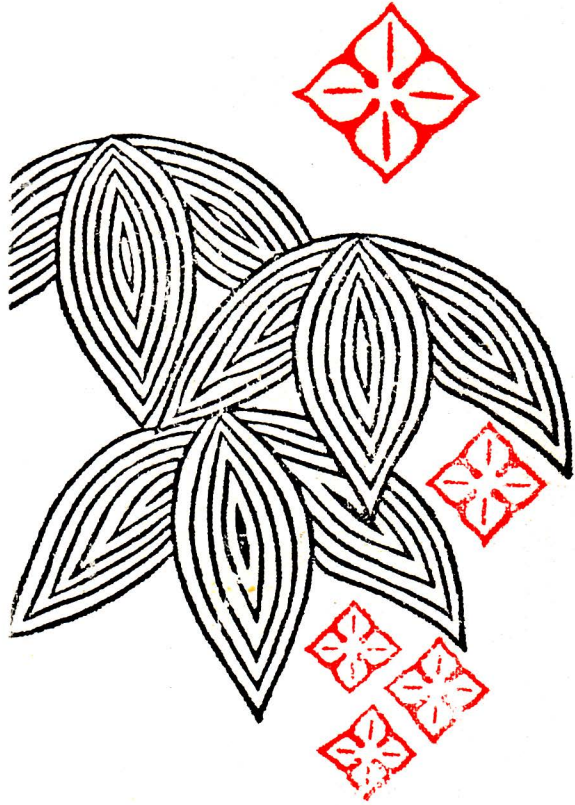

ЯПОНСКИЕ ПЯТИСТИЦЫ

ЯПОНСКИЕ ПЯТИСТИЦЫ

ЯПОНСКИЕ ПЯТИСТИШИЯ

Перевод с японского
А. Глускиной

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1971

И (Яп)
Я 70

Вступительная статья и примечания
А. Г л у с к и н о й

Оформление художника
В. М а к с и н а

7—4—4
214—70

ЯПОНСКИЕ ПЯТИСТИШИЯ

О том, что такое японская поэзия, хорошо сказал поэт X века, автор первого трактата о поэзии Ки-но Цураюки: «Песни Ямато!¹ Вы вырастаете из одного семени — сердца и превращаетесь в мириады лепестков речи, в мириады слов. И когда слышится голос соловья, поющего среди цветов, или голос лягушки, живущей в воде, хочется спросить: что же из всего живого на земле не поет своей собственной песни?»

И действительно, японская поэзия — это поэзия, растущая из сердца, это прежде всего поэзия

¹ Ямато — древнее название Японии.

чувств, проникновенной любви к родной природе, тонкого ощущения красоты окружающего мира.

Поэзия всегда щедро наполняла душевный мир японского народа, и для его лучших певцов она всегда была выражением жизни, а жизнь для них всегда была поэзией. Это особое поэтическое видение мира создало в Японии богатства лирической поэзии. И японские поэты справедливо называют свою страну «страной песни» — «ута-но куни».

Еще задолго до того, как зазвенели в Западной Европе песни провансальских трубадуров и немецких миннезингеров, на далеких восточных островах японские певцы в VII—VIII веках уже слагали танка о любви и природе.

Танка (или мидзикаута) значит «короткая песня», это пятистишие, излюбленная, традиционная форма японской лирики.

Танка умели слагать все, не только поэты, это была подлинно народная форма стиха.

Утвердившись в литературной поэзии в VII—VIII веках, танка оттеснила «длинные песни» («тёка» или «нагаута») и заняла господствующую

щее положение. Танка была также постоянной спутницей художественной прозы на всем протяжении истории японской литературы вплоть до нового времени. Записи танка с указанием условий и обстоятельств, при каких они были созданы, положили начало песенно-повествовательному жанру «ута-моногатари». Танка органически вплетались в повествовательную художественную прозу повестей, романов, дневников, эссе. Они вкрапливались в эпические сказания, в лирические драмы, в краткие новеллы позднего средневековья. Они стали украшать также гравюры великих художников Японии и были источником их вдохновения. Каллиграфически написанные на бумаге или шелке, они служили и служат до сих пор украшением жилища, предметов прикладного искусства и быта.

Такое постоянное обращение к танка является ярким свидетельством той роли, какую играют пятистишия в жизни японского народа.

Однако в истории этого жанра были периоды не только подъема, но и спада. Так, в XVIII веке танка уступила свою ведущую роль в поэзии

еще более короткой поэтической форме — трехстишию (хокку).

В конце XIX и в начале XX века, в связи с тенденциями защитить национальную культуру от влияния западной цивилизации, которое захватило разные сферы культурной жизни Японии, наблюдалось некоторое возрождение танка. Тем не менее ввиду стремления поэтов широко отражать новые общественные интересы и под воздействием европейского стихосложения в мире поэзии стали господствовать «стихи новой формы» («синтайси») с произвольным числом строк. В 20-е годы нашего века демократические или, как они сами себя называли, — пролетарские поэты вообще стали отрицать краткую форму стиха, считая, что она годится лишь для выражения камерных чувств. Однако несколько позже танка была снова поднята на щит как возможная, предельно лаконичная форма пролетарской поэзии. Утрата танкой своего ведущего значения объясняется тем, что она, став с древних времен излюбленной поэтической формой и пережив период длительного господства, превратилась в изысканную поэзию — достояние узкой аристокра-

тической среды. Постепенно ее канонические приемы и образы окостенели, стали шаблонными. Когда же танку вырвали из этого порочного круга и вдохнули в нее новые чувства и мысли, она снова была возвращена народу. Особая роль принадлежит здесь Исикава Такубоку¹ — одному из талантливых представителей японской демократической поэзии.

Однако, независимо от временных спадов и позднейших дискуссий о роли малой формы в поэзии, в поэтической практике пятистишия существовали в течение всех предыдущих веков и продолжают жить в нынешнем столетии.

В настоящее время в Японии, где господствует форма свободного стиха (дзююси), тем не менее можно насчитать свыше трехсот журналов, публикующих танка. Этой формой пользуются в своем творчестве поэты самых разных направлений.

Следовательно, уже самим таким длительным существованием — с далекой древности до наших

¹ Исикава Такубоку, Лирика, «Художественная литература», М. 1966.

дней — танка доказала свою глубокую, неразрывную связь с миром дум и чувств японского народа.

Танка выросла из песенной народной стихии и создала свои поэтические законы. Именно она заложила основы японской национальной поэзии. Характерный для нее ритм образуется чередованием пяти- и семисложных стихов (5 — 7 — 5 — 7 — 7). Пятистишие классической формы имеет цезуру обычно после третьего стиха, в более ранних формах — после второго и четвертого.

Рифмы, как сознательного поэтического приема, в танка нет. Но особенность ограниченной в звуковом отношении силлабической системы японского языка часто создает случайную «естественную» рифму: иногда скользящую или ассиметрическую, иногда анафорическую, иногда внутреннюю, а порой и конечную. Эти случайные рифмы иногда сосуществуют в одном и том же пятистишии, придавая ему особую эфоническую окраску, особое музыкальное звучание.

Для пятистиший характерны ассонансы, разнооб-

разные виды повторов, игра слов, аллитерация. Вот пример звуковой организации танка:

Кому то ю мо
Кону токи ару о
Кодзи то ю о
Кому то ва матадзи¹
Кодзи то ю моно о¹.

Японские пятистишия — это поэтический экспромт, сложенный по конкретному поводу. Не случайно поэтому в них сохранились приемы устного творчества: использование готовых образов, сравнений, целых выражений — создавшие в классической поэзии свою поэтическую традицию, определенные канонические формы. Такие приемы породили и особые нормы эстетики, специфический характер художественной оценки поэтического произведения, своеобразное понимание авторства и творческой задачи, обусловили полное отсутствие понятия плагиата, сохранили коллективное осознание творческого процесса.

¹ Скажешь мне: «Приду», —
И, бывало, не придешь;
Скажешь: «Не приду», —
Что придешь, уже не жду,
Ведь сказал ты: «Не приду».

Но в то же время эстетические нормы, допускавшие использование готовых образов и приемов, требовали нового, умелого, тонкого их сочетания, искусно приуроченного к данному случаю или к данной теме.

Пятистишия складывались по всякому поводу: при встрече и при расставании, на пиру, и в странствовании, по поводу вечной разлуки и при заключении любовного союза, во время празднеств и обрядов, во время проводов в далекий путь и во время поэтических турниров. «Этими стихотворениями окружается всякое событие и происшествие, всякое переживание, любая эмоция»¹.

Это конкретное назначение поэзии лишало ее умозрительности, глубоких философских размышлений. Она чаще всего воспевала человеческие чувства, настроения, грустные мимолетные раздумья, обычно выраженные тонким намеком, легким штрихом, который должен был пробудить в памяти слушателя определенные ассоциации и

¹ Н. И. Конрад, Японская литература в образцах и очерках, Л. 1927, стр. 89.

вызвать определенные эмоции. И только в творческом единении поэта и слушателя танка получила свое законченное выражение и полностью раскрывалась скрытая порой в подтексте поэтическая информация.

Нередко такой подтекст раскрывался благодаря традиционному восприятию образов.

У известного поэта IX века Аривары Нарихира читаем:

Во времена богов — крушителей земли,
Ах, даже и тогда об этом не слышали:
Сегодня воды Тацута-реки,
Всегда прозрачные.
Вдруг стали ярко-алы.

С рекой Тацута и с горой Тацута у японцев связаны привычные зрительные представления; эти места славятся редкой красотой алеющих осенью кленов. Когда деревья осыпаются, листья покрывают всю поверхность реки и плывут сплошным алым потоком. Эта картина и встает в воображении слушателя, и мысленно он добавляет к ней те детали и образы, о которых умолчал поэт. В пятистишии обозначение местности, горы, реки часто является не только географическим назва-

нием, но и полноценным поэтическим образом, подсказывающим слушателю ту или иную живописную картину. Подсказанный таким образом пейзаж дополняет общее впечатление от танка и усиливает ее изобразительные свойства, расширяя поэтические рамки стиха.

Образ в танка часто тяготеет к иносказанию:

У сливовых цветов все тот же аромат —

Как будто их коснулся твой рукав, —

Совсем как та весна...

У месяца б узнать:

Быть может, прежняя весна вернулась вновь?

В старину рукава женской одежды с их глубокими внутренними карманами наполняли лепестками, аромат которых они и впитывали. Поэтому душистые сливы вызвали в воображении влюбленного воспоминание о рукавах любимой, как будто она только что была здесь и прикоснулась к цветам. Знакомый аромат вызвал в памяти картины прошлого, и автору стихов кажется, что свидание близко...

Сияющий в небе месяц мог видеть его любимую. Может быть, он знает, что она вернулась и, значит, по-прежнему любит?..

Иногда подтекст в танка, посвященных природе, ощущается даже в тех случаях, когда это не подсказано прямыми ассоциациями:

Когда ночь наступает,
Ночь, как черные ягоды тута, —
Там, на отмели чистой,
Близ деревьев хисаки.
Часто плачут тидори...

Подтекстом является душевное состояние, настроение самого автора, хотя о себе он ничего здесь не говорит.

Последнее пятистишие служит также образцом той поэтической живописи, о которой всегда упоминают, отмечая особенности японской национальной поэзии: несколькими характерными, яркими мазками поэт-художник рисует выразительную картину природы. Отличительная черта этих поэтических пейзажей — присутствие в них звучащих образов. Поэт не только видит, но и явно ощущает «звучание природы»: пение птиц, шелест листвы, крики диких гусей, стоны оленей и тому подобное. Он чувствует «живое дыхание природы»: ароматы цветов, благоухание трав.

Впрочем, не всякая танка имеет подтекст: часто в наиболее ранних пятистишиях встречается простое реалистическое выражение чувств и переживаний, а также одноплановая реалистическая картина природы:

В тихой бухте Вака,
Лишь нахлынет прилив,
Вмиг скрывается отмель,
И тогда в камыши
Журавли улетают, крича...

Поэтическое восприятие порой дополняет и уточняет сама обстановка, в которой создается танка. В письменной поэзии на нее иногда указывает заглавие, как, например, в пятистишии «У водопада»:

Для кого расстелено на солнце
Это полотно, что блещет белизною?
Красотой его любят веками,
А вот взять его себе
Никто не может!

Указание места сразу разрешает поэтическую загадку; в самом деле, сверкающим белизной полотном мог бы быть и выпавший в горах снег. Но образ полотна, унаследованный от народной

поэзии, благодаря заглавию, рисует воображению читателя картину мчащегося с крутизны потока, сверкающего белой пеной.

Итак, краткость формы, удобная для экспромта, толкала создателей танка на поиски различных приемов, расширяющих поэтические рамки стиха. Помимо ассоциативной связи образов, традиционности их восприятия, игры слов, в качестве весьма распространенного приема в танка можно указать также на сравнение, затем метафору, эпитет. Редко, но встречается гипербола, для более ранних пятистиший характерен параллелизм образов.

В устном творчестве все эти приемы — ассоциации, связи и прочее — имели под собой вполне реальную, конкретную жизненную почву: приметы времен года, прилет и пение птиц указывали на определенные сроки земледельческих работ, помогали определять эти сроки, а также изменения погоды, важные для роста злаков и трав. Здесь же, в книжной поэзии, эти связи постепенно распались, приняли с течением времени отвлеченный характер: явления природы стали предметом любования и воспринимались чисто.

эстетически. Более того, такие приемы, как игра слов, в частности, двойное их значение (например, мацу — сосна и мацу — ждать), имевшее особый смысл в обрядах и заговорах, становились в книжной поэзии образцом поэтического мастерства, а впоследствии — лишь формальным экспериментом, чуждым художественности.

Краткость формы требовала в то же время лаконичности поэтической мысли и выразительности образов. Этой лаконичности и внутренней наполненности танка способствовала, по-видимому, и древняя вера японского народа в магическую силу слова, породившая различные словесные табу в древней Японии, которые воспитали сдержанность чувств и мыслей, приучили к непрямым высказываниям, к намекам, к стремлению проникнуть в подтекст.

С этим скорее всего связано появление впоследствии в японской литературе и искусстве особой эстетической системы, в основу которой легло представление о «внутренней» («моно-но аварэ»), а затем о «скрытой красоте вещей» («югэн»). Многие в эту систему привнес буддизм, но истоки ее, как и специфические приемы

в танка, ведут, видимо, в недра родной почвы. При всей своей краткости эта малая форма стиха обладает разнообразием стилей: она может прозвучать народной лирической песней, частушкой, чувствительным романсом, изящным любовным посланием, средневековой альбой, а то и шуточным мадригалом, едкой эпиграммой. Важное значение при этом приобретает традиционный поэтический образ, синтаксическое членение и внутренняя интонация стиха, от которых во многом зависит стиль и звучание стихотворения.

Излюбленными темами средневековых танка были темы любви и природы. Только вместо европейского «культа прекрасной дамы» в Японии был создан «культ родной природы», которая предстает как постоянный, неиссякаемый источник вдохновения. Любовная лирика переплетается с пейзажной, человеческие чувства передаются обычно через образы природы или в связи с ними. Эта тематика, как и приемы, унаследована также от народной поэзии. Древние магические об-

ряды, сопровождавшие труд японского земледельца и связанные с надеждами на хороший урожай риса, заканчивались народными гуляньями, сопровождавшимися хороводами, любовными песнями, брачными игрищами. Распространенные в народном творчестве песни о любви и природе повлияли на характер и содержание литературной поэзии, но возродились в ней уже на ином уровне и в плане иной эстетической системы.

Жизненно значимые темы, конкретные образы народной поэзии приобрели в произведениях средневековых придворных поэтов отвлеченный эстетический характер, стали чисто литературным приемом.

Так, обращение в народной песне к ветру, чтобы не дул, к дождю, чтобы не лил и не осыпал цветы вишни, носило характер заклинания и было обусловлено верой в силу обожествляемой природы, страхом перед неуружаем (по народным приметам, раннее осыпание цветов вишни сулило плохой урожай).

Когда же поэт в книжной поэзии обращается с той же просьбой к дождю и ветру, это вызвано желанием как можно дольше любоваться цветом-

щими вишнями и носит уже характер литературного приема.

Календарные циклы народной поэзии, сопровождавшие народные земледельческие обряды, предстали в литературной поэзии в виде особого направления — пейзажной лирики, занявшей вместе с любовной лирикой главное место в классических антологиях.

Еще в VIII веке — на закате древности, и в ранний период средневековья определились темы каждого времени года, специфические образы, приметы, особая «сезонная» эстетика, сыгравшая важную роль в дальнейшей истории японской пейзажной лирики.

Главными приметами и образами были: для весны — легкая дымка тумана, зеленая ива, соловей, цветы сливы, вишни; для лета — кукушка, цветы померанцев, цикады; для осени — цветы хаги, алые листья клена, стонущий олень, крики диких гусей, лягушек, рисовое поле, ветер, роса; для зимы — снег, и для поздней зимы, как и для ранней весны, — цветы сливы.

Впоследствии, в X веке, «сезонная» поэтическая традиция приняла характер определенного поэти-

ческого канона, многие из приведенных образов становятся каноническими образами годового цикла.

Для песен на тему ранней весны обязательным стал образ белых лепестков сливы, напоминающих снег. Для песен на тему лета каноническим сделался образ кукушки, пением которой наслаждались, как пением соловья. В осенних песнях такими каноническими образами стали: алые листья клена, олень, дикие гуси; в песнях на тему поздней зимы непременно воспевался снег, напоминающий белые лепестки слив, и т. д.

В песнях любви и разлуки постоянным образом служит рукав, который плачущий подносит к глазам, отчего образ влажных рукавов становится символом безутешных слез. Часто встречается также унаследованный от народной поэзии образ рукавов, которые стелют в изголовье любимому человеку, отчего воспоминание о возлюбленной обычно связано с образом рукавов. В песнях странствий часто обращаются к плывущему челну, летящей птице, парящему облаку с просьбой передать весть любимой; постоянным образом этих песен является изголовье из трав.

В песнях печали звучит мотив о бренности человеческой жизни, в песнях любви все оттенки чувства передаются через образы природы или в связи с ними. Сама же возлюбленная чаще всего сравнивается с цветком. Цветок вишни, сливы — метафора для красавицы, возлюбленной. В отдельно собранных «разных песнях» хризантемы сравниваются с пеной волн, брызги водопада — с жемчугом, белая пена горного потока — с белизной полотна, с облаками, слезы — с жемчугом, яшмой, росой. Роса становится метафорой слез, бренности жизни. Яшмовая нить — первоначально символ всего продолжительного, долго длящегося — под влиянием буддийских учений превращается в символ всего краткого, недолговечного, становится метафорой непрочной, быстротекущей человеческой жизни. Многие образы, сравнения и метафоры приобретают канонический характер. Они повторяются в творчестве разных поэтов в разных вариантах и создают в конце концов замкнутую эстетическую систему. Такая канонизация, выделение особых поэтических тем и образов, сужение художественной сферы поэта — все это на первых порах способ-

ствовало отточенности поэтических произведений, вело к совершенствованию поэтического мастерства и расцвету классических танка. Но с течением времени замкнутая художественно-эстетическая система становится тормозом для дальнейшего развития поэзии, приобретает характер шаблона, а сама поэзия превращается в механическое нанизывание готовых штампов.

Уже в раннюю пору классической поэзии в нее проникают грустные нотки буддийских учений о непрочности земного существования, но в пятистиших мотивы эти не создали глубокой философской лирики, а преломились скорее в эстетическом плане.

Социальные темы не получили в пятистиших классических антологий прямого выражения. В начальный период феодализма единственный поэт — Окура открыто выразил сочувствие беднякам и заговорил о социальной несправедливости. Однако в дальнейшем поэзия была представлена главным образом официальными антологиями, которые, ес-

тественно, избегали таких тем. И все же большие поэты не могли пройти мимо темных сторон жизни, и если не говорили о них прямо, то многие их печально звучащие пятистишия о бренном мире, грустные картины природы так или иначе выражали скорбь по поводу окружающей их тяжелой действительности.

Во всяком случае известно, что поэт Якамоти в одной из своих танка, говоря о цветах, которым суждено увянуть, намекал на гибель блестящих царедворцев, ставших жертвами дворцовых интриг, а упоминая о долговечности лилий, растущих в далеких горах, имел в виду чиновников, находящихся вдали от двора с его интригами, в глухих провинциях.

Видимо, пейзажная лирика в японской средневековой поэзии не всегда носит отвлеченный характер. И это тем более понятно, если принять во внимание, что в тех исторических условиях для официальных антологий приемлема была лишь самая туманная форма выражения недовольства действительностью. Аллегоричность же, как известно, одна из характерных черт мировой средневековой поэзии.

Но и пятистишия с более или менее ощутимой аллегорией не утратили своей специфики. Природа в них неизменно выступает как постоянный спутник чувств и мыслей поэта, и это навсегда осталось характерной чертой японской национальной поэзии, о чем свидетельствуют и некоторые современные пятистишия, посвященные актуальным темам современности.

Лотос уснул,
Сложив лепестки.
Пусть завтра
Взойдет для него
Мирное солнце¹.

Так выразил в наше время свою мечту о мире известный поэт Токи Дзэммаро.

В настоящем сборнике выделены три раздела: народная поэзия (из старинных собраний), древняя поэзия Японии VII—VIII веков и средневековая поэзия IX—XIII веков.

¹ «Из японской поэзии», «Прогресс», М. 1964, стр. 22.

В дошедших до нас памятниках поэзии содержатся и анонимные песни, и произведения, имеющие своих авторов. Иногда среди анонимных произведений встречаются и песни больших поэтов, имена которых по тем или иным причинам не указаны. Собственно народная поэзия лишь частично представлена в точных записях, а чаще — в литературной обработке поэтов VII—VIII веков. Из включенных в сборник песен западных и восточных провинций Японии в наиболее нетронутом виде представлены песни восточных провинций, которые в свое время были записаны на местном диалекте. Среди записей песен западных провинций, подвергшихся литературной обработке поэтов, встречаются и песни самих поэтов, но отсутствие датировки и подписей не позволяет их выделить из этого раздела, тем более что в тот далекий период народная и литературная поэзия были настолько органично связаны, что даже указание на имена не всегда свидетельствует об индивидуальном творчестве в современном понимании слова.

Во второй раздел вошла поэзия VII—VIII веков, представляющая начальный период японского

поэтического творчества, когда появились первые великие поэты Японии: Хитомаро и Акахито — «два гения» (фута-хидзирэ) японской поэзии. Рядом стоят имена Окура, Якамоти, а также имена лучших поэтов того времени: Нукада, Отомо Саканоэ, Каса.

Это был период становления японской государственности, когда политическим и культурным центром стала столица Нара.

Страна представляла собой в то время централизованное государство, где административный и общественный порядок строился по китайским образцам: пропагандировался пришедший через Китай и Корею буддизм, насаждалось китайское просвещение.

В страну проникали влияния различных иноземных цивилизаций, общение с материковой культурой способствовало расцвету наук, искусств, ремесел. Искусство поэзии впитало в себя также литературный опыт соседних стран, что, безусловно, подняло культуру поэтического творчества: уже в тот отдаленный период наблюдается первый расцвет пятистиший, авторы которых сумели творчески освоить чужой опыт.

Однако заметное влияние китайской поэзии и буддизма сказалось в японской литературе значительно позже, и главным образом в сфере других жанров. Танка этого периода выражала глубоко самобытное поэтическое искусство японского народа.

Третий раздел содержит образцы классических японских пятистиший IX—XIII веков. Эпоха Хэйан (IX—XII века) или эпоха раннего средневековья с ее процветающим в среде господствующей аристократии культом любви и наслаждения, с особой тщательностью культивировала образцы любовной и пейзажной лирики.

В эту эпоху «мира и покоя» Хэйан, новая столица страны, поражала высоким уровнем образованности, роскошью и изысканностью быта и обихода, утонченностью нравов, процветанием искусства и особенно литературы на фоне общей нищеты, невежества и бедственного положения народных масс. Аристократия увлекалась китайской поэзией, буддийскими верованиями, разговорами о бренности всего земного; на ее жизненный уклад и духовную жизнь наложила свою печать философия эстетизма.

Восприняв богатое наследие народной песни и поэзии предыдущего периода, Хэйанская эпоха стала новым этапом в истории развития танка. Именно в эту эпоху произошло узаконение особых поэтических тем и образов, сложилась новая художественно-эстетическая система.

Начало этого второго периода ознаменовалось творчеством «шести бессмертных» («роккасэн») — так называли лучших поэтов IX века, из которых особой славой пользовались Аривару Нарихира и красавица поэтесса Оно Комати.

После них в X—XII веках появились новые выдающиеся имена: Цураюки — поэт и критик, автор первого трактата о поэзии; Сонэ Ё ситада — поэт и литератор; Отикоти Мицунэ, Ки Томонори, Ое Тисато, известные поэтессы Исэ, Идзуми Сикибу и другие, из которых многие вошли, вместе с перечисленными выше, в «список тридцати шести бессмертных поэтов» средневековья («сандзюроккасэн»). Позднее был создан еще один «список тридцати шести бессмертных поэтов»: в него были внесены и лучшие поэты XIII века, в частности, знаменитый поэт, критик, автор многих теоретических работ о поэзии — Фудзивара Садайэ

(Тэйка), прославленный лирик Сайгё-хоси и другие.

Японские пятистишия в XIII веке приобрели особую утонченность стиля, однако граничащего порой с пустой изощренностью формы. И все же лучшие танка этой эпохи — произведения талантливых поэтов — составили ценное наследие, вошедшее в золотой фонд национальных сокровищ японской поэзии.

XIII век, в отличие от предыдущих эпох, оказался мрачным периодом в истории Японии. К тридцатым годам XIII века правление перешло в руки военного дома Ходзё. Это был период тирании, произвола и деспотизма. Господствовал «принцип первенства меча».

В сфере идеологической широкого распространения достиг буддизм: ученые секты Дзёдо, признававшей за мертвыми право пользоваться земными радостями, обслуживало духовные потребности господствующего класса феодального дворянства, а учение секты Тэндай с его элементами мистики отвечало в те времена духовным запросам сходящей с арены истории старой феодальной аристократии, среди которой особое значе-

ние приобрело учение о бренности мира (сёгёмудзё).

Пятистишия этого времени, отличающиеся особой изысканностью, элегичны по настроению, в них слышна не только печаль о «бренности мира», но и выраженное достаточно ясно для той эпохи недовольство окружающей действительностью, отзвуки тяжелой общественной атмосферы, созданной режимом правящего дома Ходзё.

Представленные в книге переводы знакомят читателя лишь с отдельными образцами японских пятистиший, взятых из лучших антологий VIII, X и XIII веков, главным образом, с песнями о любви и природе. Эти старинные лирические стихи с их общечеловеческим звучанием легко шагают через столетия и сохраняют для нас всегда живые, непреходящие чувства людей далекого прошлого.

Самобытное поэтическое наследие японского народа — достойный вклад в мировую поэзию, живой источник, питающий творчество и современных японских поэтов.

А. Глушкина

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

- ИЗ СТАРИННЫХ
СОБРАНИЙ •

ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ ПРОВИНЦИЙ

Песня юноши

Прозрачная волна у белых берегов,
Раскинутых, как белоснежный шарф,
Порой бурлит, но к берегам не подойдет.
Так — ты ко мне.
И полон я тоски...

Песня девушки

О нет, наоборот:
Увы, не я, а ты,
Подобно той волне у белых берегов,
Раскинутых, как белоснежный шарф, —
Ты никогда не подойдешь ко мне...

Песня девушки

Когда бы знала, что любимый мой
Придет ко мне,
Везде в саду моем,
Покрыгом только жалкою травой,
Рассыпала бы жемчуг дорогой!

Песня юноши

Зачем мне дом, где жемчуг дорогой
Рассыпан всюду,
Что мне жемчуга?
Пусть то лачуга, вся поросшая травой,
Лишь были б вместе мы, любимая моя!

Песня девушки

Когда бы гром внезапно загремел,
А небо затянули облака,
И хлынул дождь, —
О, может быть, тогда
Тебя, мой друг, остановил бы он!

Песня юноши

Пусть не гремит совсем здесь грозный гром
И пусть не льет с небес поток дождя,
Ах, все равно —
Останусь я с тобой,
Коль остановишь ты, любимая моя!

Песня юноши

Здесь, в стране далекой Хацусэ,
Запертой среди высоких гор,
Дева милая моя живет.
Пусть мне по камням пришлось шагать,
Снова я пришел сегодня к ней!

Песня девушки

Если б только эта ночь,
Ночь, когда явился ты, переплыв потоки рек,
На коне на вороном, — ягод тутовых черней, —
Если б только эта ночь
Не кончалась никогда!

* * *

На траву зеленую тиса
Тяжестью в горах легла роса,
Оттого и вянет зелень этих трав.
Оттого, что в сердце горечь глубока,
Не кончается моя тоска...

* * *

Лучше пусть исчезну,
Словно белый иней,
Выпавший на землю поутру:
Как я эту ночь, тоскуя и печалясь,
Нынче до рассвета проведу?

* * *

Изголовие из дерева цугэ,
Лишь придет вечерняя пора,
Ты все время неотступно ждешь на ложе...
Отчего ж никак дожидаться ты не можешь,
Чтоб хозяин твой пришел сюда,

* * *

На рассвете у ворот моих
Кулики без умолку поют.
О, проснись, проснись!
Мой супруг на эту ночь одну,
Пусть не знают люди про тебя.

* * *

Ах, на кровле дома моего
Зацвела «не забывай»-трава.
Все смотрю:
А где трава «забудь-любовь»?
Жаль, еще не выросла она...

* * *

Милый мой,
Моя любовь к тебе,
Словно эта летняя т р а в а , —
Сколько ты ни косишь и ни рвешь,
Вырастает снова на полях!

* * *

В Сога, средь долины чистых рек,
Где осока дивная растет,
Не смолкая, плачут кулики...
Не смолкает также ни на миг
И моя несчастная любовь...

* * *

По дороге, что отмечена давно
Яшмовым копьём,
Ходить устал.
Мне циновку б из рогожи постелить
И смотреть бы мне все время на тебя!

* * *

Лишь раздался топот быстрого коня,
Как под сень сосны
Из дома вышла я,
И все думаю, смотрю вокруг,
Может, это ты, мой милый друг?

* * *

Как журавль далекий, что летает в небе,
Белых облаков крылом касаясь, —
Так и ты...
О, как мне трудно, трудно
Оттого, что нет тебя со мною!

* * *

Словно в бездне, среди скал,
Белоснежный жемчуг дорогой,
От людей скрываю я любовь.
И пускай погибну от любви,
Людам я не назову тебя!

* * *

Чем так жить,
Тоскуя о тебе,
Лучше было бы мне просто умереть,
Оттого, что думы, полные тревог,
Словно скошенные травы на полях...

* * *

В священном храме,
Где жрецы вершат обряды,
Сверкает зеркало кристальной чистоты, —
Так в памяти моей сверкаешь ты,
И в каждом встречном я ищу тебя...

* * *

Долго, видно, буду тосковать о той,
Что мне видеть ныне довелось,
Что сверкала
Дивной красотой,
Как венок из ярких пестрых трав.

* * *

Говорят: на этом свете умирают,
Если так тоскуют, как тоскую я
Из-за той, что видел только миг,
Что хороша,
Как цветы струящиеся фудзи...

* * *

Мне кажется теперь, когда моя любовь
Намного глубже и сильнее стала, —
Я умереть могу в смятенье чувств;
Так рвется нить жемчужная — и вдруг —
Рассыплется весь жемчуг дорогой...

* * *

Тоскую о тебе и жду тебя всегда!
О, если был бы знак,
Что суждена нам встреча!
Ведь в этом мире я, увы, не вечен,
Подобно всем, живущим на земле...

* * *

У ворот моих
На деревьях вяза вызрели плоды...
Сотни птиц слетелись к дому моему.
Тысячи слетелись разных птиц,
А тебя, любимый, нет и нет...

* * *

Среди полей заброшенных, в глуши,
Далекой, словно вечный свод небес,
Оставила тебя,
И от тоски и дум
Нет больше сил на этом свете жить!

* * *

Как до небесных облаков
Отсюда далеко — так до тебя...
Но пусть с тобою мы в разлуке,
Взамен твоих — чужие руки
Не станут изголовьем никогда!

* * *

Как тень прозрачная в рассветный час.
Таким же тонким тело нынче стало
Все из-за той, что яшмой засверкала
Лишь издали, —
И навсегда ушла от нас...

* * *

Кого среди людей назвать счастливым? —
Того, кто милой слышит голос
И в пору ту,
Как черный волос
Уже становится седым!

* * *

Вчера, вечернею порой, лишь миг один,
Короткий, как жемчужин встречных звон,
Я видел здесь ее, —
И нынче утром вдруг
Мне показалось, будто я люблю!

* * *

Сосна стоящая у входа
В пещеру горную, —
Взглянул я на тебя,
И показалось мне — увидел друга,
Которого давно когда-то знал!

* * *

Пусть велика земля, но даже и она
Имеет свой предел,
Но в мире этом есть одно,
Чему конца не будет никогда,
И это бесконечное — любовь!

* * *

Ведь ты — лишь человек
С непрочною судьбою,
Как лунная трава цукигуса.
О, что ты можешь знать, мне говоря:
«Мы после встретимся с тобою...»

* * *

Когда зайдет за облака луна,
Сияющая ныне в небесах,
Как зеркало кристальной чистоты, —
Нет, все равно не кончится тоска,
А станет лишь любовь моя сильней!

* * *

Оттого, что обо мне не думает совсем
И меня не любит милая моя,
Я скрываю от нее любовь.
Так бутон скрывает чашечку цветка, —
Но должны бутоны расцвести!

* * *

Когда бы ныне мог корабль я встретить,
Который держит путь в столичные края,
Я б милой передал,
В каком смятенье думы,
Что словно скошенные травы на полях...

* * *

Наверно, там, где горы Симакума
Жемчужным гребнем в небо поднялись,
В вечерних сумерках
Идешь ты одиноко
Заброшенную горного тропой...

* * *

Когда оградой зеленой горы
Меж нами встанут множеством рядов
И мы уже не будем больше вместе, —
Тебе, любимый мой, в далекий край,
Я часто не смогу подать отсюда вести...

* * *

С нетерпением друга ожидаю,
В дом одной мне нынче не войти,
Пусть роса давно уже покрыла
Белотканые
Льняные рукава...

* * *

Когда в цветенья час
Не расцветают сливы,
А лишь в бутонах прячут лепестки,
Быть может, так они любовь скрывают?
А может, снег они с тревогой ждут?

* * *

Возле моря,
На скалистом берегу,
Утро каждое я вижу стаи птиц,
Утро каждое смотреть бы на тебя,
Но тебя не видно, милый мой...

* * *

Подобно соловью, что раньше всех поет
В тени ветвей,
Когда придет весна, —
Ты раньше всех мне о любви сказал,
И лишь тебя отныне буду ждать!

* * *

Лишь издали могу я любоваться,
Дотронуться не смею никогда.
Как лавр зеленый,
На луне растущий, —
Любимая моя... Что делать с ней?..

* * *

Пока в саду своем ждала,
Что ты придешь ко мне, любимый,
На пряди черные
Распущенных волос
Упал холодный белый иней.

* * *

Ведь оттого, что никогда не думал,
С какой тоской тебя
Я буду вспоминать,
Бывали и такие ночи,
Когда подушкой был не твой рукав!

* * *

Вот нить жемчужная;
Как ни длинна она,
Сойдутся вместе у нее концы.
Не разойдутся и у нас п у т и , —
Одна нас свяжет нить, как эти жемчуга...

* * *

Эта ночь, что черна,
Словно черные ягоды тута,
О, пускай никогда не проходит она!
Так мучительно ждать мне до ночи тебя,
Каждый раз уходящего рдеющим утром!

* * *

Должно быть, наступил уже рассвет:
Тидори возле нас щебечут неустанно,
А изголовье из твоих прекрасных рук,
Из белотканых рукавов твоих
Мне, как и ночью, все еще желанно!

* * *

О, только если высохнет до дна
Река Сикама, что впадает в море
Владыки вод,
О, только лишь тогда
Умрет навек моя к тебе любовь!

* * *

Схлынут волны — и в заливе Нанива
Собирают водоросли-жемчуга
Девушки-рыбачки...
Я хочу узнать:
Как по именам вас называть?

* * *

Только тем, кто ищет раковины здесь.
Мы охотно подаем от сердца весть.
Странникам,
Кому постель — трава,
Мы своих имен не назовем.

* * *

Каждый раз, как только вижу я
Крылья тех гусей,
Летащих в тростники,
Вспоминаю я разящую стрелу,
Что носил ты за спиною у себя...

* * *

Не под силу видеть нам,
Как стареешь день за днем
Ты, которого мы чтим,
Словно солнце и луну,
Что сияют в небесах!

* * *

Зимний ветер дует
В рукава одежды...
Мне холодной ночью
Не уснуть сегодня
Без тебя, любимый.

* * *

С посохом в руке
И без посоха в руке
Я отправилась бы в путь,
Но не знаю я дорог,
По которым ты идешь!

* * *

Вот спустилась ночь...
Скоро и светать начнет...
Двери распахнув,
Жду, когда же он придет,
Милый, что ушел в страну Кии?

* * *

В дальнем море, у Аго,
Волны без конца бегут
К каменистым берегам, —
Так любви моей к тебе
Нет ни срока, ни конца!..

ПЕСНИ ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЙ

* * *

Целый день толку я белый рис,
Грубы стали руки у меня.
Хорошо бы, если б в эту ночь
Молодой хозяин мой пришел,
Тронул их и пожалел меня!

* * *

Как на поле здесь, в Санацура,
У холма я сею нынче просо —
Вижу, лошадь милого пришла.
Потянулась к просу, ест... Ну что ж,
Все равно ее не прогоню!

* * *

Ах, одежды белотканой рукава
В изголовье положу-ка я себе!..
Вижу, едут из Курага рыбаки,
Возвращаются к себе д о м о й , —
Не вставайте, волны, на пути!

* * *

У Цукуба, у горы,
Раню еще снегу выпадать.
Что это белеет там, вдали?
Верно, расстелила полотно
Для просушки милая моя.

* * *

В дальней стороне Сакитама,
Где стоят в заливе корабли, —
Ветер злой,
Канаты рвутся там...
Только б не пришлось расстаться нам.

* * *

Вот из здешних мест, из Синану,
Из соседней речки Тикума,
Камешек простой;
Наступишь ты ногой —
Для меня он станет яшмой дорогой!

* * *

Здесь, в стране у нас, в Асигара,
Возле горных склонов Хаконэ,
Просо мы посеяли с тобой.
Вот уж и колосья налились, —
Странно, что не вместе мы теперь!

* * *

Нежный померанцевый цветок,
Что расцвел в селении моем,
Притянул к себе, хотел сорвать,
Но оставил, не сорвал его —
Был уж очень молод тот цветок!

* * *

Ведь еще вчера я ночью с милой был,
А мне кажется, что этот миг далек,
Словно журавли,
Что в небесах летят,
Прикасясь к белым облакам...

* * *

Как жемчужная трава,
Что растет на диком берегу,
Клонится к земле, —
Так, склонясь, наверно, спишь одна,
Не дождавшись друга своего...

* * *

Простую женщину из Адзума-страны,
Что для тебя в саду своем растила,
Срезала коноплю, сушила,
Стелила для тебя и так тебя любила.
Заботясь о тебе, — не забывай!..

ИЗ ПЕСЕН ОБ УХОДЕ В ПОГРАНИЧНЫЕ СТРАЖИ

* * *

Когда в стражи я из дома уходил,
Было рано, чуть забрезжила заря...
У ворот моя жена стояла...
Все не знала, как теперь ей быть,
Все боялась мои руки отпустить.

* * *

Милую жену покинул я,
Бросил я ее в селении чужом, —
Тяжко мне,
И глаз не отвести!
Все глядел, пока вдали не скрылся дом...

Песня мужа

Те ворота, где стоит жена
У горы Цукуба, — скроют облака,
Но пока я различаю
Милый дом —
Буду я махать ей рукавом!..

Песня жены

Где горы Цукуба виден пик,
Только ли орла там слышен крик?
Это плачу я!..
Так вечно мне рыдать,
Если нам друг друга не видеть!

Песня мужа

Здесь тебя оставить и уйти
Жалко сердцу, милая моя...
Хорошо бы —
Нет другой мечты, —
Чтоб у лука тетивою стала ты!

Песня жены

Проводив тебя, остаться здесь,
Вое равно что погубить себя!..
Хорошо бы
Обратиться в этот лук,
Чтобы вместе быть с тобою, милый друг!

* * *

И когда расстались мы
На берегу,
На который в белой пене шла волна,
Безнадежно тяжело стало мне,
В сотый раз машу я рукавом...

* * *

Словно стаи уток улетали, —
Отправлялись мы в далекий путь.
Опечаленное сердце милой,
Что со мной прощалась в этом шуме,
До сих пор я не могу забыть.

ИЗ ЛЕГЕНДЫ О ЗНАМЕНИТОЙ КРАСАВИЦЕ ТЭЖОНА

...И когда, в страну восточную придя,
Взглянешь, как у берега катится волна,
Сразу загрустишь
О деве молодой,
Что сюда ходила часто за водой...

**ПОЭЗИЯ
ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ**

• VII–VIII вв. •

Какиномото Хитомаро

* * *

Вздымается волна из белых облаков,
Как в дальнем море, средь небесной вышины,
И вижу я —
Скрывается, плывя
В лесу полночных звезд, ладья луны.

ИЗ ПЛАЧА О ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

В горах осенних — клен такой прекрасный,
Густа листва ветвей — дороги не найти!..
Где ты блуждаешь там? —
Ищу тебя напрасно:
Мне неизвестны горные пути...

Опали листья алые у клена,
И с веткой яшмовой передо мной гонец.
Взглянул я на него —
И снова вспомнил
Те дни, когда я был еще с тобой!..

**ИЗ ПЛАЧА О ГИБЕЛИ
ПРИДВОРНОЙ КРАСАВИЦЫ**

Когда увидел я течение реки,
Что унесла тебя навек от нас,
Прекрасное дитя, —
Такой еще тоски
Не знала никогда моя душа!

В те дни, когда еще была ты с нами,
Дитя из Оцу, и встречались мы,
Я мимо проходил,
Тебя не замечая,
И как теперь об этом я скорблю!

РАЗЛУЧАЯСЬ С ЖЕНОЙ

У вороного моего коня
Так бег ретив, что сразу миновали
Места, где милая моя живет...
Как в небе облака —
Они далеки стали!

Несущиеся вихрем листья клена среди осенних
гор.

Хотя б на миг единый
Не падайте, скрывая все от глаз.
Чтоб мог увидеть я
Еще раз дом любимой!

ПОКИДАЯ СТРАНУ ИВАМИ

Там, в Ивами,
Возле гор Такацуну,
Меж деревьями густыми, вдалеке,
Видела ли милая моя,
Как махал я ей, прощаясь, рукавом?

По дороге, где иду,
На склонах гор
Тихо-тихо шелестит бамбук...
Но в разлуке с милою женой
Тяжело на сердце у меня!..

ПЛАЧ О ЖЕНЕ

Луна осенняя, что нас видала вместе,
Мир озаряет вновь, взойдя на небосвод,
А милая моя,
Что любовалась ею,
Все дальше от меня за годом год!..

Где горы Хикитэ,
Где путь лежит в Фусума,
Оставил навсегда я милую жену.
И вот, когда иду тропею горной,
Мне кажется — и сам я не живу!

* * *

Ах, сколько ни гляжу, не наглядеться мне!
Прекрасны воды рек, что в Ёсино струятся.
Конца им нет...
И так же — без конца —
К ним буду приходить и любоваться.

* * *

В прославленной стране —
В Инами —
На взморье поднялась огромная волна,
И встала в тысячу рядов она,
От взора спрятав острова Ямато!

* * *

От ветра свежего, что с берега подул,
У мыса дальнего Нусима, с гор Авадзи,
Мой шнур, что милою завязан был,
Как будто к ней стремясь,
По ветру заметался...

* * *

На полях, что лежат предо мною,
Я вижу, как блики сверкают
Восходящего солнца,
А назад оглянулся —
Удаляется месяц за горы...

* * *

Тика морская гладь
У берегов Кэи...
Как срезанные травы гомо,
Разбросанные плавают вдали
Челны рыбацкие на взморье.

* * *

Нет никаких известий о тебе, —
В морской дали не видно островка, —
И средь равнины вод,
Качаясь на волне,
Лишь белоснежные восходят облака...

* * *

Возможно ль, что меня, кому средь гор Камо
Навеки скалы станут изголовьем,
Все время ждет с надеждой и любовью,
Не зная ни о чем,
Любимая моя?

* * *

Огни для ловли рыб
В открытом море,
Что на равнине вод сверкают вдалеке,
Огни далекие вы разожгите ярче,
Чтоб острова Ямато видеть мне!

* * *

На миг один, короткий, как рога
Оленей молодых, что бродят в поле летом,
На краткий миг — и то
Могу ли позабыть
О чувствах милой девы этой?

* * *

Яшмовых одежд стих легкий шорох.
О, какой тоскою полон я,
Не сказав любимой,
Что осталась дома,
Ласкового слова, уходя...

Ямабэ Акахито

* * *

Когда из бухты Таго на простор
Я выйду и взгляну перед собою, —
Сверкая белизной,
Предстанет в вышине
Вершина Фудзи в ослепительном свету.

* * *

На острове этом Карани,
Где срезают жемчужные травы морские,
Если был бы бакланом,
Что живет здесь, у моря,
Я не думал бы столько, наверно, о доме!

* * *

Когда костровам
Довелось мне причалить,
Как завидовал я
Кораблям из Куману,
Плывущим в Ямато!

**ПРОЕЗЖАЯ МИМО КУРГАНА ЛЕГЕНДАРНОЙ
КРАСАВИЦЫ ТЭКОНА**

Вот в Кацусика, в этой стране,
В этой бухте Мама,
Верно, здесь, наклонившись,
Срезала жемчужные травы морские
Тэкона... Все о ней нынче думаю я.

* * *

Я не могу найти цветов расцветшей сливы,
Что другу мне хотелось показать:
Здесь выпал снег, —
И я узнать не в силах,
Где сливы цвет, где снега белизна...

* * *

Когда ночь наступает,
Ночь, как черные ягоды тут а, —
Там, на отмели чистой,
Близ деревьев хисаки,
Часто плачут тидори...

* * *

В этом Ё сино дивном, —
Здесь, в горах Кисаяма,
На верхушках высоких зеленых деревьев
Что за шум поднимают
Своим щебетом птицы?!
?

* * *

В этой бухте Вака,
Лишь нахлынет прилив, —
Вмиг скрывается отмель, —
И тогда в камыши
Журавли улетают, крича...

* * *

Я в весеннее поле пошел за цветами,
Мне хотелось собрать там фиалок душистых.
И оно показалось
Так дорого сердцу,
Что всю ночь там провел средь цветов,
до рассвета!

* * *

Меня ты любила —
На память об этом
Цветы нежных фудзи, что льются волною,
Ты тогда посадила у нашего дома,
А теперь — полюбуйся их полным расцветом!

* * *

Там, где остров на взморье,
У берегов каменистых,
Поднялись над водою жемчужные травы
морские...
И когда наступает прилив и от глаз их
скрывает.
Как о них я тогда безутешно тоскую!

* * *

На острове Абэ
У скал, где бакланы,
Бегут беспрестанно вдоль берега волны,
И я эти дни беспрестанно тоскую,
Исполненный думой о далеком Ямато!

* * *

Там, где птицы мисаго,
В изгибах прибрежных
Зеленые травы «скажи-свое-имя»,
И ты их послушай, скажи свое имя!
Пусть даже родители знают об этом!

* * *

Там, где Асука воды,
Не покинет вдруг заводь
Туман, разостлавшийся легкою дымкой. —
Не такой я любовью люблю,
Чтобы быстро прошла...

Яманэ Окура

* * *

Итак, друзья, скорей в страну Ямато.
Туда, где сосны ждут на берегу!
В заливе Мицу,
Где я жил когда-то,
О нас, наверно, память берегут!

* * *

Приснился мне цветок душистой сливы,
И мне сказал доверчиво во сне:
Считаюсь я цветком
Столичным и красивым,
Так дай же плавать мне в вине!

* * *

Когда бы в облаках я мог парить,
Как в небесах парят свободно птицы!..
О, если б крылья мне,
Чтоб друга проводить
К далеким берегам моей столицы!

* * *

Ах, неприступным, вечным, как скала,
Хотелось бы мне в жизни этой быть!
Но тщетно все.
Жизнь эта такова,
Что бег ее нельзя остановить!

* * *

Отважным мужем ведь родился я, —
Ужель настал конец короткого пути
Без славы,
Что могла из уст в уста,
Из года в год, из века в век идти?!

* * *

Для чего нам серебро,
Золото, камня эти?
Все — ничтожно.
Всех сокровищ
Драгоценней сердцу дети!

* * *

Много платьев у ребенка богача,
Их вовек ему не износить, —
У богатых в сундуках
Добро гниет,
Пропадает драгоценный шелк!

А у бедного — простого платья нет,
Даже нечего ему порой надеть.
Так живем...
И лишь горюешь ты,
Ничего не в силах изменить!

* * *

Грустна моя дорога на земле,
В слезах и горе я бреду по свету.
Что делать?
Улететь я не могу, —
Не птица я, увы, и крыльев нету!

* * *

Ныне сердцу моему
Не утешиться ничем!
Словно птица, что кричит,
Скрывшись в белых облаках,
Громко, в голос плачу я!

* * *

Без надежды день за днем,
Только в муках я живу
И хочу покинуть мир.
Но напрасны думы те —
Дети преграждают путь.

* * *

Словно пена на воде,
Жизнь мгновенна и хрупка,
И живу я, лишь молясь:
О, когда б она была
Длинной, прочной, что канат!

Отomo Табито

* * *

Когда большими хлопьями на землю
Снег, словно пена белая, летит
И нет конца е м у , —
Всегда в минуты эти
Столицу Нара вспоминаю я!

* * *

Даже скалы
В Хаято, среди быстрых потоков,
Красотой не сравнятся
С водопадами Ё сино,
Где играют форели!

* * *

Траву «позабудь»
Я на шнур свой подвешу,
Чтоб о старом селенье
У горы Кагуяма
Позабыть навсегда!

* * *

Как журавль в тростниках
В бухте той Кусакаэ
Бродит в поисках п и щ и , —
Так и я... Как мне трудно!
Как трудно без друга!

* * *

Вот и время пришло
Мне домой возвращаться...
Но в далекой столице
Чей мне будет рукав
Изголовьем душистым?

* * *

Изголовье из рук,
Что лежали на шелковой ткани
И всегда обнимали любимую нежно.
Ах, навряд ли еще человека я встречу,
Для кого они будут служить изголовьем!

* * *

В покинутом доме,
В далекой столице,
Когда в одиночестве спать мне придется,
О, тяжело мне будет, намного труднее,
Чем было в моем одиноком скитанье!

* * *

В том саду, что вдвоем
Мы сажали когда-то
С любимой вместе,
Поднялись так высоко,
Разветвились деревья!

* * *

Не белой ли сливы цветы
У холма моего расцвели,
И теперь все кругом в белоснежном цвету?
Или это оставшийся снег
Показался мне нынче цветами?

ИЗ ПЕСЕН О ВИНЕ

* * *

О пустых вещах
Бесполезно размышлять.
Лучше чарку взять
Хоть неважного вина
И бездумно пить до дна.

* * *

Лишь бы на земле
Было счастье суждено!
А в иных мирах
Птицей или мошкой стать —
Право, все равно!

* * *

Суемудрых не люблю, —
Пользы нет от них ничуть!
Лучше с пьяницей побудь:
Он, хотя бы во хмелю,
Может искренне всплакнуть.

* * *

Чем никчемно, так, как я,
Человеком в мире жить,
Чашей для вина
Я хотел бы лучше стать,
Чтоб вино в себя впитать!

Отomo Якамоти

* * *

Чем так мне жить, страдая и любя,
Чем мне терпеть тоску и эту муку, —
Пусть стал бы яшмой я,
Чтоб милая моя
Со мной осталась бы, украсив яшмой руку!

ПОСЛАНИЕ ЖЕНЕ, НАПИСАННОЕ В ИЗГНАНИИ

Пусть жалок раб в селении глухом,
Далеком от тебя, как своды неба эти!..
Но если женщина небес грустит о нем, —
Я вижу в этом знак,
Что стоит жить на свете!

* * *

Когда ты спросишь, как теперь я сплю
Ночами долгими о д и н , — одно отвечу:
Да, полон я тоски
О той, кого люблю,
Кого я больше никогда не встречу!

**ИЗ ПЕСЕН К ВОЗЛЮБЛЕННОЙ, ПОСЛАННЫХ
С ЦВЕТАМИ ПОМЕРАНЦЕВ**

Померанцы, что цветут передо мною,
Возле дома, среди множества ветвей,
Как хотел бы
Ночью с ясною луною
Показать возлюбленной моей!

Пусть бы ты полюбовалась ими,
А потом могла бы и кукушка петь...
Ведь, в цвету раскрывшись, померанцы
Из-за песни громкой понапрасну
Могут слишком рано облететь!

ПЛАЧ О ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Если б знал я, где лежит тот путь,
По которому ты от меня уйдешь,
Я заранее
Заставы бы воздвиг,
Чтобы только удержать тебя!

* * *

Когда ночами, полные печали,
Слышны у моря крики журавлей
И дымкою туман
Плывет в морские дали, —
Тоскую я о родине моей!

* * *

Ужель, придя к любимому порогу,
Тебя не увидав,
Покинуть вновь твой дом,
Пройдя с мученьем и трудом
Такую дальнюю дорогу!

* * *

Цветы душистых слив, что опадают
Во множестве весной
В моем саду, —
Как будто в небеса сперва взлетают
И наземь падают, как белый снег...

* * *

О, только так на свете и бывает,
Уж таковы обычаи земли!
А я и ты
Надеялись и ждали,
Как будто впереди у нас века!

* * *

Когда, подняв свой взор к высоким небесам,
Я вижу этот месяц молодой, —
Встает передо мной изогнутая бровь
Той, с кем один лишь раз
Мне встретиться пришлось!

* * *

Сегодня на рассвете раннем
Осенний ветер холодом дохнул,
И близится пора,
Когда наш дальний странник —
Гусь дикий — с криком улетит...

ИЗ ПЕСНИ ВЫЗЫВАНИЯ ДОЖДЯ

Показавшаяся нам
Туча белая, плыви,
Затяни небесный свод
И пролейся здесь дождем,
Чтоб утешить нам сердца!

* * *

Мне в одиночестве
Внимать тебе печально.
Кукушка, я тебя прошу,
Лети туда, на склоны гор Ниу,
И песню спой ему в краю том дальнем!

* * *

О, слышен ли, как раньше, аромат
Цветов татибана, что распустились здесь?
Наверно, от дождя,
Что нынче ночью лил,
Когда кукушка пела, он исчез...

* * *

От еле уловимой дрожи крыльев
Кукушки, распевающей средь лета,
Цветы осыпались...
Как видно, час расцвета
Уже прошел для вас, цветы лиловых фудзи!

* * *

Всегда перед зарей — прислушаться лишь надо —
Осеннюю порой,
Едва забрезжит день,
Здесь, сотрясая гор простертые громады,
Рыдает горько в одиночестве олень.

* * *

Взглянул я вверх, на белизну снегов,
Что на мосту небесном засверкала.
Сорочий мост
Для встречи звезд готов —
И понял я, что ночь уже настала!

* * *

Говорят, что наступило время
Ласточкам весенним прилететь,
Гуси дикие,
О родине жалея,
С криком исчезают в облаках...

* * *

Как гуси дикие, что вольной чередой
Несутся с криком выше облаков,
Ты далека была...
Чтоб встретиться с тобой,
Как долго я блуждал, пока пришел!

* * *

Как будто отголоски дальней бури,
Что с цвета слив сорвала лепестки, —
Так слухи о тебе...
И вот люблю я снова,
И счастлив я, и больше нет тоски!

* * *

Как только наступает вечер,
Я открываю дверь в свой дом
И жду любимую,
Что в снах мне говорила:
«К тебе я на свидание приду!»

Нукада

ПРОЩАНИЕ С ГОРАМИ МИВА

Горы Мива!

Неужели скроетесь теперь навеки?

О, когда бы в небе этом

Облака имели сердце,

Разве скрыли б вас от взора?!

* * *

Когда б могла заранее я знать,

Что ждет тебя беда —

Страшнее всех печалей,

Я завязала бы святой запрета знак,

Чтоб удержать на месте твой корабль!

Отomo Саканѳэ

* * *

Когда бы ты стал яшмой дорогой,
Я, на руки ее надев, не знала б муки,
Но в мире суетном —
Ты только человек,
И удержать тебя мои бессильны руки...

* * *

Бывают думы, от которых в сердце
Как будто наплывают облака;
Так в час, когда туманов вешних дымка
Повсюду стелется, —
Сильна любви тоска!

* * *

О, если сердце чистое такое,
Как в алтарях святыя зеркала,
Ты милому однажды отдала,
Пусть люди после осуждают э т о , —
Что будет значить для тебя молва!

* * *

Как плачущий журавль
Среди равнин Такэда,
Раскинувшись предо мной вдали,
Не зная отдыха, все плачет о подруге, —
Вот так же я тоскую о тебе!

* * *

О, любящее мое сердце,
Что думает: «Прекрасен ты!»
Оно — как воды быстрые реки:
Пускай плотины не дают бежать потокам,
Те все равно сметут помехи на пути!

* * *

Беспечно веселясь,
Давайте пить вино!
Ведь даже травам и деревьям
Весною — суждено цвести,
А осенью — опасность на землю!

Каса

* * *

Как плачущий журавль во мраке черной ночи —
Лишь слышен крик его издалика, —
Ужели также буду плакать я,
Лишь вести о тебе из стран далеких слыша
И больше никогда не видя здесь тебя?

* * *

И даже мелкий тот песок на побережье,
Где будешь много, много дней брести,
С моей тоскою может ли сравниться?
Ответ мне дай,
Страж островов морских!

* * *

Печалась о тебе,
Страдая безысходно,
У Нарских гор
Под маленькой сосной
Стою, исполненная горем и тоской!

* * *

Ах, о моей любви
Ты не сказал ли людям?
Я видела во сне,
Что ларчик дорогой
Открыли — и оставили открытым...

* * *

Пушкой цветы душистой белой сливы
Чудесною горой подымутся вокруг.
Но все равно —
Как на тебя, любимый,
Я наглядеться не смогу на них!

* * *

Во сне я ныне увидала,
Что положила рядом с ложем
Бранный меч.
О, что же та примета означала?
С тобой увидимся, мой друг!

Такэти Курохито

* * *

В Сакура надо мной
Журавли в небесах пролетают, крича.
Верно, в бухте Аютигата
Ныне схлынул прилив с берегов.
Журавли надо мной пролетают, крича...

Кавабэ Миябито

* * *

Все эти дни о нас
Шумит молва людская!
О, если б яшмой драгоценной ты была!
Я на руки б тогда надел тебя
И в одиночестве не тосковал бы ныне!

Отomo Момоё

* * *

О, если б ты сказала мне, что любишь,
На самом деле вовсе не любя,
То знай, что боги роц̄ святых Микаса,
Среди полей Ону —
Твою раскрыли б ложь!

Хасибито Одра

* * *

Взглянул я вверх.
Там, где небес равнина,
Я вижу — тонкий, светлый̄ лук
Натянут и подвешен в н е б е , —
Прекрасен будет мой полночный̄ путь!

Камо

* * *

Корабль в Цукуси
Не пришел еще,
И все же, несмотря на это,
Заранее пришла ко мне печаль
О том, что ты далеко где-то...

Аки

* * *

О, волны взморья в белой пене
У берегов страны Исэ!
Когда б они цветами были —
Собрал бы все
И в дар послал тебе!

Кура Навамаро

* * *

Кристалльно дно морское
Тихой бухты,
Что блеском фудзи лепестков озарена;
И оттого водой покрытый камень
Блестит, как жемчуг дорогой!

Хадзи Митиёси

* * *

Ночь, как черные ягоды тута,
Как будто сошла на землю:
Шкатулки бесценная крышка —
Гора Футагами — закрыла
Луну, что спустилась за горы...

Неизвестный автор

* * *

Нет, не надеюсь я
Жить вечно на земле,
Подобно облакам, что пребывают вечно
В прекрасном Ёсино,
Средь пиков Мифунэ...

Сану Тиками

**ПОСЛАНИЯ ВОЗЛЮБЛЕННОМУ,
НАХОДЯЩЕМУСЯ В ИЗГНАНИИ**

* * *

Сказали мне, что человек пришел,
Вернувшийся недавно в дом родимый;
Услышала —
Едва не умерла,
Подумав про себя: «Не ты ль пришел, любимый?»

* * *

Лучше было б вместе мне с тобой уйти —
Все равно держать один ответ.
Проводив тебя,
Хоть и осталась здесь,
Радости мне тоже больше нет!

* * *

В доме ночью близкие твои,
Верно, сном спокойным не уснут.
«Нынче, нынче ли?» —
Все думают и ждут,
А тебя все нет, любимый мой!..

* * *

Не спуская взора с зелени сосны, —
Сосны «мацу» — это значит «ждать», —
Буду ждать тебя..
Скорей ко мне вернись!
О, пока не умерла я от тоски!

* * *

Лишь ради дня желанного, поверь,
Когда придешь ты,
Возвратясь домой,
Я остаюсь еще на свете ж и т ь , —
Не забывай об этом никогда.

Накатоми Якамори

В ОТВЕТ НА ПОСЛАНИЯ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

* * *

Я еще не стал
Ни прахом, ни землей,
И из-за меня, любимая моя,
Ты уже в волненье и тоске.
Вот она — любовь!

* * *

О тебе я в думах и тоске.
О, когда бы встретиться с тобой
Хоть на краткий миг!
Мне без твоих очей
Вряд ли суждено на свете жить!

* * *

Горы и заставы миновал,
Прежде чем явился я сюда.
О, тоска!
Когда надежды тщетны
Встретиться с любимой своей.

* * *

«О, как далека ты от меня!» —
Думаю с тоскою я теперь.
Но в разлуке дальней все равно
Не изменится
Моя любовь!

* * *

Ты не думай, милая моя,
Что вдали я не могу любить.
Даже день один,
Одну лишь только ночь
Я без думы о тебе не в силах жить!

* * *

Новояшмовых годов
Как бы долго ни тянулась нить,
Сколько бы в разлуке нам ни б ы т ь , —
Все равно и думы даже нет,
Что неверной может быть любовь!

* * *

О, если только вовсе нет богов
На небе и земле,
О, только лишь тогда
Мне будет суждено судьбою умереть,
Не встретившись с тобой, любимая моя!

ИЗ СТАРИННЫХ ПОСЛАНИЙ

* * *

Как прибрежные птицы у бухты Муко
Прикрывают крылом молодого птенца,
Так берег ты меня...
И в разлуке с тобой,
Верно, мне суждено умереть от любви...

* * *

Если б только могла дорогая моя
В путь со мною уйти
На большом корабле,
Так хотелось бы плыть и лелеять ее,
Словно птицы птенца — прикрывая крылом!

* * *

Когда причалишь ты
У дальних берегов
И встанет пред тобой густой туман,
Знай — это горький вздох, дошедший до тебя,
Чтоб рассказать о горести моей!

* * *

Едва придет осенняя пора,
Как снова мы увидимся с тобою.
Зачем же ты полна такой тоскою,
Что на пути моем
Встает густой туман?

ИЗ ПЕСЕН СТРАНСТВИЙ

* * *

На корабль поднялись мы
В Отомо, у Мицу,
И, отдавшись волнам, мы отплыли в дорогу.
На каких же теперь островах отдаленных
Суждено нам построить шалаши для ночлега?

* * *

Словно черные ягоды тута,
Ночь, должно быть, сменилась рассветом:
В бухте Яшмовой вижу,
Как, в поисках пищи,
Журавли пролетают, крича, надо мною.

* * *

Верно, бурными стали
У морского владыки
В белой пене шумящие волны на взморье,
Виджу — скрылись надолго за островом дальним
Молодые рыбачки...

* * *

В рассвета алый час,
Когда грустил о доме,
Вдруг возле мыса, где ладья плыла,
Раздался легкий всплеск весла...
О, эти юные рыбачки!

* * *

Пусть мой рукав,
Скользя по дну, в воде,
Промокнет весь... насквозь.
Я не уйду отсюда
Без этих раковин «забудь-любовь»!

* * *

«Не я ль один
Плыву на лодке ночью?» —
Подумал я, когда волна меня несла,
И в тот же миг в дали безбрежной моря
В ответ раздался легкий всплеск весла!..

* * *

Меж гор
В опавших алых листьях клена
Плывущих кораблей
Плененная красой,
Я вышла на берег, чтоб встретиться с тобой!

* * *

Только осень настанет
И корабль мой причалит здесь снова, —
Принесите с собой и оставьте на отмели мне,
Чтобы мог позабыть о любимой, — «ракушки
забвенья»,
Белоснежные волны далеких, безбрежных морей!

* * *

Твой корабль,
Что уходит из бухты Такасики ныне,
По пути наклоня морские жемчужные травы,
Буду ждать я с одной и единственной мыслью:
О, когда же он снова придет?

* * *

В тоске о милой
Я уснуть не в силах,
А в это время, скрытые от глаз туманной
дымкою.
В час алого рассвета,
Я слышу, гуси дикие кричат...

* * *

Когда спускается луна
За гребни гор,
На взморье вдалеке мелькают
Огни костров, что разжигают,
Приманивая рыбу, рыбаки.

* * *

Вот он, остров Молитвы! Там молились святыням
О тех, кто в пути, где подушкою служит трава.
Верно, много веков он стоит среди водной
равнины,
И, как прежде, о странниках дальних
Молитва идет к небесам...

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ

• IX–XIII вв. •

Минамото Мунэюки

* * *

И даже хвоя у простой сосны,
Что ни в какую пору от начала
Своих иголок цвета не меняла, —
С приходом нынешней весны
Как будто зеленее стала!

Соку-хоси

* * *

Лишь там, где опадает вишни цвет,
Хоть и весна, но в воздухе летают
Снежинки белые...
Но только этот снег
Не так легко, как настоящий, тает!

Аривара Нарихира

* * *

И встать я не встаю, и спать не спится...
И так проходит ночь, и утро настает.
Все говорят: «Весна»...
А дождь не кончил литься, —
И я с тоской смотрю, как он идет, идет...

* * *

Я красотой цветов пленяться не устал,
И слишком грустно потерять их сразу...
Всегда жалею их,
Но так их жаль,
Как этой ночью, не было ни разу!

* * *

Верно, кто-то возле водопада
Обрывает нити ожерелий, —
Сыплется все время белый жемчуг
На края цветные
Рукавов атласных...

* * *

Во времена богов — крушителей земли,
Ах, даже и тогда об этом не слышали:
Сегодня воды Тацута-реки,
Всегда прозрачные,
Вдруг стали ярко-алы!

* * *

Еще я наслаждаться не устал,
А лунный лик за горы хочет скрыться...
О гребни гор,
Раскройте небосклон,
Чтоб в небе мог он снова появиться!

* * *

Все дальше милая страна,
Что я оставил...
Чем дальше, тем желаннее она,
И с завистью смотрю, как белая волна
Бежит назад к оставленному краю...

* * *

Когда она меня спросила:
«Не жемчуг ли сверкает на траве?» —
Тогда в ответ сказать бы сразу мне,
Что это лишь р о с а , —
И с той росой исчезнуть...

* * *

Да, влажен шелковый рукав, что на заре
Бамбуковые заросли раздвинул
В осеннем поле...
Но влажней вдвойне
Рукав мой оттого, что я тебя не вижу.

* * *

Как будто аромат душистой сливы
Мне сохранили эти рукава,
Лишь аромат...
Но не вернется та,
Кого люблю, о ком тоскую...

* * *

Я соберу и спрячу жемчуг белый,
Что рассыпает шумный водопад:
В минуты грусти
В этом бренном мире
Заменит он потоки светлых слез!..

Оно Комати

* * *

Печальна жизнь. Удел печальный дан
Нам, смертным всем. Иной не знаем доли.
И что останется? —
Лишь голубой туман,
Что от огня над пеплом встанет в поле.

* * *

Все говорят, что очень долги ночи
Осеннею порой. Но это лишь слова.
Едва мы встретимся —
И сна не знают очи,
И не заметим, как придет рассвет.

* * *

Предела нет моей любви и думам,
И даже ночью я к тебе иду;
Ведь на тропинках сна
Меня не видят люди,
Никто меня не станет укорять!

* * *

Он на глазах легко меняет цвет
И изменяется внезапно.
Цветок неверный он,
Изменчивый цветок,
Что называют — сердце человека.

* * *

Пусть скоро позабудешь ты меня,
Но людям ты не говори ни слова...
Пусть будет прошлое
Казаться легким сном.
На этом свете все недолговечно!

* * *

С тех самых пор, как в легком сновиденье
Я, мой любимый, видела тебя,
То, что непрочным сном
Зовут на свете люди,
Надеждой прочной стало для меня!

* * *

Тот ветер, что подул сегодня,
Так не похож на ветер прошлых дней
Далекой осени, —
Он много холодней,
И вот на рукавах уже дрожат росинки...

* * *

Пусть по тропинкам снов,
Усталости не зная,
Хожу к тебе, но это все равно
Мне не приносит радости бывалой:
Встречались прежде миг, но — наяву!

* * *

Краса цветов так быстро отцвела!
И прелесть юности была так быстротечна!
Напрасно жизнь прошла...
Смотрю на долгий дождь
И думаю: как в мире все невечно!

Содзё Хэндзё

* * *

О ветер! Ты, что дуешь средь небес,
Закрой дороги в облаках,
Где ты промчался,
Чтоб облик феи в танце не исчез
И миг еще с землей не расставался!

* * *

Ах, к дому моему не отыскать дороги,
Тропинки прежние травкою заросли
За долгий срок,
Когда бы ты могла прийти,
Когда я ждал тебя, жестокою, напрасно!

Бунъя Ясухидэ

* * *

На травах, на деревьях, на кустах
Меняются цветы и увядают...
Но вот смотри:
На пенистых волнах
Цветы расцветшие — осенних дней не знают!

Цураюки

* * *

Прилечь я собирался ночью летом,
Но голос плачущий кукушки услышал...
И вдруг — уже заря!
Сменилась ночь рассветом,
Пока в тиши кукушке я внимал.

* * *

Туман весенний, для чего ты скрыл
Цветы вишневые, что ныне облетают
На склонах гор?
Не только блеск нам мил, —
И увяданья миг достоин восхищенья!

* * *

Осенний вид не привлекает взора.
В горах сейчас не встретишь никого.
Цветы осыпались...
И только листья клена —
Как ночью золотистая парча.

* * *

Ты стал другим, иль все такой же ты?
Ах, сердца твоего никто не знает!
Прошло немало дней,
Но вот зато цветы...
По-прежнему они благоухают!

* * *

Да, сном, и только сном, должны его назвать!
И в этом мне пришлось сегодня убедиться:
Мир — только сон...
А я-то думал — явь,
Я думал — это жизнь, а это снится...

* * *

О, набегай, волна прибоя, с новой силой!
И пусть вода затопит берега!
Забвенья раковины —
Чтоб забыть о милой, —
Быть может, я тогда на берегу найду!

* * *

Подует ветер — и встает волна.
Стихает ветер — и волна спадает.
Они, должно быть,
Старые друзья,
Коль так легко друг друга понимают!

* * *

Узоры пестрые на ряби волн
От тени, брошенной зеленой ивой,
Чьи ветви тонкие
Сплелись красиво, —
Как будто выткали их на воде!

* * *

Волна у берега одета белой пеной,
Снег седины на волосах моих.
Из нас двоих —
Кто кажется белее?
Ответ мне дай, страж островов морских!

* * *

Любовь таю в себе... Однако в те мгновенья,
Когда никак мне не сдержать тоску,
Любовь является вдруг взору твоему, —
Так из-за гребней гор в низинах, здесь
простертых,
Луна восходит, разгоняя тьму!..

* * *

Как сквозь туман, вишневые цветы
На горных склонах раннею весною
Белеют вдалеке, —
Так промелькнула ты,
Но сердце все полно тобою!

* * *

Ах, для меня любовь — не горная тропинка
В местах, не познанных доселе мной,
И все равно,
Какой полно тоской
Мое блуждающее сердце!

* * *

Стоит зима — и вдруг, совсем неожиданно,
Между деревьями увидел я цветы, —
Так показалось мне...
А это — хлопья снега,
Сверкая белизной, летели с высоты!

* * *

Мое, не знавшее любви донине, сердце
С тех пор, как полюбил тебя,
Менять свой цвет не будет никогда.
И никогда ты думать не должна,
Что это сердце может измениться!

* * *

Весною раннею, когда благоухают
Цветы душистых слив, —
Ночной порой в горах,
Бывает, не увидишь слив впотьмах,
Но где они — по аромату знаешь.

* * *

Если сожалеешь о разлуке,
Значит, не прошла еще любовь,
Только знать хочу: когда навек уйдешь
Облаком в чужую даль, какие муки
Ты оставишь сердцу моему?

* * *

И днем и ночью
Любовался я...
О сливы лепестки, когда же вы успели,
Не пожалев меня, так быстро облететь,
Что не заметил я печальной перемены?

* * *

Наверно, в Касуга — прекрасную долину,
Чтобы собрать весенние плоды,
Спешит красавица...
И машет в отдаленье
Широким белотканым рукавом...

* * *

То, верно, ветер, прилетевший ныне,
Дохнул весной —
Лед тонкий растопил...
И, воду пригоршнями черпая, невольно
Речную влагой я наполнил рукава.

* * *

Весной, когда зеленой ивы нити
Все сплетены в узор меж собой,
Цветы соседние раскроют вдруг бутоны
И, нити разорвав у ивы молодой,
Покажутся среди листвы зеленой...

* * *

Ах, каждый раз, когда идет весенний дождь
И я сушу потом любимого одежды, —
Их блекнет цвет...
Зато блестят сильней
Зеленые поля, пропитанные влагой!

* * *

Деревья, травы, что кругом растут,
Погружены зимой в глубокий сон,
Но снег пошел...
И вот уже цветут
Весны не знающие белые цветы!

* * *

Не звезда ли сегодня со звездой расстается?
Над небесной рекой встал туман, и повсюду
Все туманом закрылось...
Чей призыв раздастся?
Чайка в голос рыдает!

* * *

Когда приходит вешняя пора,
Цветы душистых слив ласкают глаз расцветом.
Так будет каждый раз...
И пусть цветы тебе
И впрямь веками служат украшеньем!

Отикоти Мицунэ

* * *

Покоя не могу найти я и во сне,
С тревожной думой не могу расстаться...
Весна и ночь...
Но снится нынче мне,
Что начали цветы повсюду осыпаться.

* * *

Хочу, чтоб знала ты,
Что в сердце нет упрека
За то, что ты надежду подала,
За то, что встречу обещала к сроку,
За то, что так жестоко солгала!

* * *

Ах, осени туман — он не проходит,
Стоит недвижно, а в душе,
Где нет и проблеска,
Все замерло в тоске,
И даже небо дум — не хмурится в заботе.

* * *

Как видно, ветер дует неумело:
Сверкая белизною, облака
Не уплывают вдаль...
Ах, это горная вода, мчась с крутизны,
Сверкает белой пеной!

* * *

Когда на старой ветке хаги
Осеннею порой
Цветы раскрылись вновь,
Я понял — прежнюю любовь
Еще не позабыло сердце!

* * *

Не думаю, что очень долги ночи
Осеннею порой, —
Давно идет молва,
Что ночь и осенью покажется короче,
Когда любимая твоя — с тобой!

* * *

Осенними полями я бродил,
Стал влажен от росы
Шелк белых рукавов,
И ныне рукава промокшие мои
Благоухают ароматами цветов!

* * *

Вы, утки,
Что живете здесь, в пруду,
Порою зимнею,
Не говорите людям,
Что я сюда к любимой прихожу!

* * *

Нежданный новый год пришел ко мне,
А тот, кто перед этим удалился,
Исчез, подобно высохшей траве, —
Тот человек не только не явился,
Но даже не прислал мне вести о себе.

* * *

Снег все идет... И вот уже никто
Не ходит больше этою тропюю,
Мне не найти на ней твоих следов...
И чувствам прежним
Трудно не угаснуть...

* * *

Ах, лунной ночью их увидеть невозможно!
У нежных слив и лунного луча
Цвета одни.
И лишь по аромату
Узнаешь, где цветы, и сможешь их сорвать!

Идзуми Сикибу

* * *

Проходят годы — и сильней печаль,
Привычкой стало грусти предаваться.
Ведь нет такой весны,
Когда б не стало жаль
С весенними цветами расставаться!

* * *

На небо, где звезда ждет целый год звезду,
Куда взирают все с таким участием,
Я даже не взгляну.
Зачем смотреть туда?
Ведь мы с тобой намного их несчастней!

* * *

Не драгоценную ли яшму я нашла?
Подумала — и руку протянула.
Но тут же блеск пропал.
То белая роса,
Ложась на землю, яшмою блеснула!

Мурасаки Сикибу

* * *

Лик месяца на небе появился, —
То прежний иль другой вдруг глянул с высоты —
Узнать не удалось...
Средь облаков он скрылся.
Вот так же быстро промелькнул и ты...

* * *

С гусями, что на север полетят,
Ты весть пришли, —
Пусть принесут на крыльях.
Все время мне в разлуке вести шли,
Ведь облака сюда плывут все время!

Неизвестный автор

* * *

Я, полон грусти, расстаюсь с тобой,
Слезинки светлые дрожат на рукаве,
Как яшма белая!..
Я их возьму с собой,
Пусть это будет память о тебе...

Неизвестный автор

* * *

Ах, только удержать бы мне его —
Того, кто от меня решил уйти!..
О вишни лепестки,
Рассыпьте по земле,
Преградой будьте на его пути!

Ки Томонори

* * *

Как пояса концы — налево и направо
Расходятся сперва, чтоб вместе их связать, —
Так мы с тобой:
Расстанемся — но, право,
Лишь для того, чтоб встретиться опять!

* * *

Ах, сколько б ни смотрел на вишни лепестки
В горах, покрытых дымкою тумана, —
Не утомится взор!
И ты, как те цветы...
И любоваться я тобою не устану!

* * *

Как тает иней, павший на цветы
Расцветших хризантем невдалеке от дома,
Где я живу, —
Так, жизнь, растаешь ты,
Исполненная нежною любовью!

* * *

Когда я слышу грустный плач сверчка,
Печально мне.
Легка одежда летом...
Ах, не пресытилось ли сердце у тебя?
Мне кажется порой, что прежних чувств уж нету...

* * *

Что эта жизнь? —
Исчезнет, как роса!
И если б мог ее отдать за встречу
С тобой наедине, любимая моя,
Я не жалел бы, что ее утрачу!

* * *

Такой же аромат и цвет у вишен был...
И как тогда, в давно минувший год,
Они цветут теперь!
Но я уже другой...
Прошло немало лет, и я уже не тот...

* * *

Все склоны дальней Ёсину-горы
Сверкают белизной раскрывшихся цветов.
И вот мне кажется,
Что белые цветы
Не вишни лепестки, а просто снег...

* * *

Ночь ли темна, не знает ли дороги
Кукушка, заблудившаяся здесь?
Все мечется она...
Рыдает возле кровли
И все никак не может упорхнуть!

* * *

Хоть называю участь нашу горькой
За то, что жизнь — как пена на воде,
За то, что все непрочно на з е м л е , —
И все же, продолжая жить на свете,
Надеждой вновь и вновь исполнен я!

Неизвестный автор

* * *

На ветках хаги, словно белый жемчуг,
Росинки блещут дивной красотой,
Но тают вмиг от рук...
Молю тебя, прохожий,
Любуясь издали, не трогай их рукой!

Оэ Тисато

* * *

Криком я кричу,
И тяжело мне от слез,
Но когда ты спросишь, то отвечу я,
Что рукав атласный мой слегка намок
От случайного весеннего дождя!..

* * *

Расставаясь, думаем всегда;
Минет время — встретимся опять.
Но, друг другу это говоря,
Разве знаем мы свою судьбу?..
И когда придет свиданья час?..

Исэ

* * *

Когда бы ты был кораблем, плывущим
По глади вод, тебе сказала б я,
Что только здесь
Твоя навеки пристань
И больше — нет ее нигде!

* * *

Близ водопада нет отшельника святого,
Который платье бы волшебное носил,
Что ни кроют, ни шьют...
Быть может, это феи,
Живущие в горах, так белят полотно?

* * *

Бывает, в дни, когда одна грущу,
На рукавах моих атласных,
От слез промокших, —
Даже лик луны,
Внезапно отразившись, тоже плачет...

* * *

Ужель всю жизнь не встречу я тебя?
Хотя б на миг один была надежда...
Лишь на короткий миг,
Как в бухте Нанива
Коленца коротки у тростников прибрежных!

* * *

Вот я пришла к горам священным Мива.
О, сколько ждать еще
Свидания с тобой?
Увы, я знаю: в ожиданье минут годы,
Ты все равно не посетишь меня!

* * *

На ложе, что оставлено тобой,
Что слез потоки превратили в море, —
Пыль не стряхнет атласный мой рукав.
Он в волнах слез плывет,
Вздымаясь, словно пена...

Ки Акиминэ

* * *

Кто летом в тех горах неведомо живет,
И о любимом будто бы тоскует,
И плачет взаперти?..
То милого зовет
Кукушка, что в горах теперь кукует!

Неизвестный автор

* * *

В неверном мире я страдать устал,
В непрочном мире лишь печаль да стоны.
Уйду в теснины гор..
Пусть жизнь растает там,
Как тает снег на листьях горных кленов.

Оно Садаки

* * *

Когда в столице, может быть, случайно
Тебя вдруг спросят, как я здесь живу,
Ты передай:
Как выси гор туманны,
Туманно так же в сердце у меня.

* * *

О, если любящее сердце человека
Древесной было бы листвою,
То, покорясь порывам бурным ветра,
Опала бы листва.
У сердца ж — путь иной!

Мибу Тадаминэ

* * *

Мне люди говорят: «Весна пришла».
Но пусть об этом говорит весь с в е т , —
Не верю я...
Не слышу соловья,
И кажется: еще весны здесь нет!

* * *

О человеке, что ушел однажды
Из Ёсину и скрылся среди гор,
Ступив в глубокий снег, —
Об этом человеке
Не слышно ничего с тех давних пор...

* * *

Весна настала, и как будто бы цветет
На ветках дерева, покрытых белым снегом,
Цветок весны.
И соловей на них поет
Средь снега белого, как средь бутонов белых.

* * *

Существовали ль в древние года
По тысяче веков живущие иль нет —
Не знаем мы.
Но пусть тогда с тебя
Начнется жизнь во много тысяч лет!

* * *

От ветра, дующего осенью в горах,
Меняет цвет листва
Повсюду на деревьях, —
И, глядя на нее, хочу тебя спросить:
Не так же ль осенью и с чувствами твоими?

* * *

«Сейчас приду», — мне прошептала ты,
Но так словами и осталось это.
Ты не пришла...
Весь долгий путь луны
Я проследил до самого рассвета!

Неизвестный автор

* * *

Скажи, ко мне вчера ты приходила,
Иль, может, я вчера был у тебя?
Не помню ничего...
Все снилось или было?
Все видел наяву иль только грезил я?

Оно Такамура

* * *

Все, все бело! Глаза не различат,
Как тут смешался с цветом сливы снег...
Где снег? Где цвет?
И только аромат
Укажет людям: слива или нет?

* * *

Равнина вод безбрежно широка,
И островов на ней не сосчитать.
Я отплываю в путь.
Челн славный рыбака,
Об этом передать ей не забудь!

Неизвестный автор

* * *

Тот соловей, что приютился в ветках сливы,
Торопит песнею весны приход.
Но сколько ни поет —
Его призывы тщетны:
Весны все нет... И снег идет, идет...

Бунья Асаясу

В осеннем поле выпала роса,
И словно жемчугом украшена равнина.
Куда ни глянь —
Сверкает все вокруг,
И — словно нити ожерелий — паутина.

Неизвестный автор

Не слышал я, что в мире столько зла.
Не знал, что в нем так радостного мало.
Но вот...
Упавшая из глаз моих слеза
Вдруг сразу мне об этом рассказала!

Неизвестный автор

* * *

Алеи все усыпаны листвою,
Окрашенною в ярко-алый цвет:
То осень...
Не сомнут опавшую листву —
Никто теперь не навещает сад!

Киёвара Фукаябу

* * *

Стоит зима, а с облачного неба
На землю падают прекрасные цветы...
Что там, за тучами?
Не наступила ль снова
Весна, идущая на смену холодам?

Неизвестный автор

У ВОДОПАДА

Для кого расстелено на солнце
Это полотно, что блещет белизною?
Красотой его любят веками,
А вот взять его себе
Никто не может!

Фудзивара Киёскэ

* * *

О, этот мир, печальный мир и бранный!
И все, что видишь в нем и слышишь, — суета.
Что эта жизнь?
Дымок в небесной бездне,
Готовый каждый миг исчезнуть без следа...

Харумити Цураки

* * *

Чуть вымолвишь: «вчера»,
Глядишь — уже «сегодня»,
И «завтра» наступает вслед за ним...
Как воды Асука — и месяцы и дни
Бегут и исчезают незаметно...

Сюндо Намики

* * *

Реки горные разбились о плотины,
Что внизу на водах блестящих воздвиглись
Ветром злым.
Поток остановили
Груды облетевших алых листьев!

Нидзёин Сануки

* * *

Как эти камни, что лежат у берегов
И в час прилива в волнах исчезают,
Так рукава мои...
Они влажны от слез,
А люди ничего не видят и не знают!

Неизвестный автор

* * *

Не весь еще растаял белый снег,
Но пусть опять идет
И на землю ложится.
Когда весной встанет дымка над землей,
Мы белизной его не сможем любоваться.

Аривара Юкихира

* * *

Когда найдется человек, который спросит
Тебя неожиданно обо мне,
Ответь тогда,
Что жизнь влачит он в Суманоура
И горькую судьбу переживает тяжко.

Ки Госисада

* * *

Хоть знаю я: простились мы сегодня,
А завтра я опять приду к тебе, —
Но все-таки...
Как будто ночь спустилась,
На рукаве дрожат росинки слез...

Саканоэ Корэнори

* * *

Ах, даже отраженная в воде
Расцветшая недавно хризантема
Сегодня стала вянуть на глазах...
Возможно ль, что на дне, под голубой волною,
Ложится тоже иней иногда?

* * *

Будто бы луна внезапно озарила
Небо, разливая белый свет, —
Так сверкает
В Ёсино повсюду
Выпавший на землю белый снег!

Неизвестный автор

* * *

Пурпурная листва осенних кленов
Вдоль берегов несется по реке.
Как видно, нынче от потоков горных,
От тающих снегов
В реке — прилив воды.

Фудзивара Садайэ

* * *

Весенней ночью я отдался снам,
И мне пригрезился, как в дымке, мост богов —
И вдруг исчез...
А между пиков гор —
Одно лишь небо в лентах облаков!

* * *

В саду от лепестков сверкавшей вишни
Весенний ветер не оставил и следа,
И если кто-нибудь придет теперь туда,
Ему покажется —
Что вся земля в снежинках...

* * *

Ты мне лгала, что «горы в вечных соснах
Не перейдет волна — и не пройдет любовь»,
И в волнах слез моих,
Перехлестнувших горы,
Блестят лучи луны на рукаве...

* * *

Как знак, что, несмотря на годы,
На долгий срок, —
В душе жива л ю б о в ь , —
В лазурных небесах подул внезапно вновь
Несущий сердцу весть далекий ветер!..

* * *

На поле Касуга зеленая трава
Из-под земли
Едва вошла на свет —
И кажется таким жестоким мне
Снег, спрятавший ее от взора белой пеной.

* * *

Моя любовь —
Как облако в лазури,
Плывущее неведомо куда, —
Встречаться нам с тобою не судьба
И даже тешиться надеждою напрасно...

* * *

В прекрасном Ё́сино
Все горы в легкой дымке.
В селенье старое,
Где белые снега лежат кругом,
Пришла теперь весна!

* * *

Благоуханьем сливовых цветов
Наполнена небес далеких вышина,
И вешней ночи ясная луна
То заблестит,
То скроется за дымкой...

* * *

Не забывай меня! Пускай рукав атласный,
Где отражался лик луны в слезах,
Не будет рукавов моих касаться,
Ты все равно на память сохрани
Лучи луны в слезах прощальных!

* * *

Взгляну кругом — и нет уже цветов,
Не видно даже алых листьев клена,
Лишь в бухтах —
Бедные рыбацьи шалаши...
О, сумерки осенние у моря!..

Фудзивара Садаката

* * *

О, если бы трава «влюбленных ложе»,
Что на Горе свиданий расцвела,
Недаром так звалась —
Тогда б ко мне, быть может,
Тайком от всех людей ты все-таки пришла!

Неизвестный автор

* * *

У кленов алых листья облетели,
Но мы жалеть об этом не должны...
Зачем жалеть?
Через просветы в ветках
Увидим нынче яркий блеск луны!

Таира Канэмори

* * *

Любовь к тебе на дне души скрываю,
Но все равно ее не утаишь, —
Во всем сквозит,
И люди замечают,
И даже спрашивают: «Ты о чем грустишь?»

Сайгё-хоси

* * *

О, если б ты в своем селенье дальнем
Взглянула, как и я, сегодня на луну,
Ты знала б:
В одиночестве печальном
Люблю я до сих пор тебя одну!

* * *

Так трудно было мне и так душой устал,
Что в тягость был мне мир пустой и бранный,
Но появилась ты —
И он желанным стал,
И жалко мне расстаться со вселенной!

* * *

О, если б ты ушла, я ждал бы, как луну,
Я стал бы ждать, не отрывая взгляда, —
И все смотрел бы
В сторону одну —
Лишь на восток, где ты, моя отрада...

* * *

О, пожалей, хочу участия твоего,
Хочу, чтобы любовью сердце билось.
Пойми
Тоску и горести того,
Кто может лишь рассчитывать на милость!

* * *

И даже мне, ушедшему от мира,
Исполненного зла и суеты,
Так тяжки
Сумерки среди болот осенних,
Где чайками покинуты кусты...

* * *

Взглянул я на луну — и дрогнула душа,
И сердце бедное поверить вновь готово,
Что осень
Прошлых отдаленных лет
Опять вернулась и — со мною снова!

* * *

Подумаю об этом мире бренном:
Как осыпаются цветы — уходит все.
И я, как те цветы,
Исчезну в нем мгновенно,
Но где искать судьбу другую мне?

* * *

Ты не пришла —
И холоден стал ветер.
Померкло сразу все вокруг меня...
И, покидая здешние края,
Кричат печально, улетая, гуси...

* * *

О, лишь одна луна в далеком небе
Мне служит памятью доныне о тебе,
И если б вспомнила
Ты обо мне в тот миг, —
Сердца бы наши были вместе!..

* * *

В рассветный час, когда по воле ветра
Уплыли ленты белых облаков,
Высоко надо мной,
Перелетая горы,
Раздался первый грустный крик гусей...

* * *

Я знаю слишком хорошо себя:
Тебя я не обижу и намеком,
Но вот рукав мой,
Вымокший от слез,
Немым упреком будет для тебя.

* * *

Увидя тень прохладную под ивой,
Где протекала чистая вода,
Я поспешил скорей туда.
Подумал: буду здесь недолго, —
Но, очарованный, остался до утра!

* * *

И даже людям, у которых сердце
Обычно никогда не предается грусти,
О, даже им
Наполнит грудь тоскою
Подувший в первый раз осенний ветер!

Сикиси Наисинно

* * *

Вдох ветерка — и слышен слабый шелест,
Бамбук под окнами чуть потревожил он
Там, где я спал...
То был совсем короткий,
На грезу легкую похожий сон!

* * *

Средь дальних гор
Встают ворота сосен,
Всегда зеленых и не знающих весны.
И вот — за каплей капля яшмовой воды
Стекает с них от тающего снега...

Неизвестный автор

* * *

Когда увидишь, лунный свет пробьется
Сквозь гущу сада, где царила мгла
Ветвей и листьев,
Вдруг сожмется сердце,
И скажешь: «Осень! Вот она пришла».

Фудзивара Мотодзанэ

* * *

О, если б ты меня спросила:
«То белый жемчуг иль роса?» —
В ответ тебе
Я показал бы рукава,
Где, полные тоски, мои застыли слезы.

Сугавара

* * *

Те хризантемы белые вдали,
Колблемые легким ветерком,
Все кажутся глазам
В осенний день
Прибрежною волной, а не цветом!

Неизвестный автор

* * *

Опережая ветер, прозвучали
И стихли крики пролетающих гусей,
Что скрылись в облаках, —
А мне привета нет,
Которого я от любимой ждал...

Кунайкё

* * *

У Тацута-горы не буря ли шумела,
С вершины вдруг обрушившись сюда,
Где заткана листвой была вода?
Никто не проплывал по глади водной,
А ярко-алая разорвана парча...

Неизвестный автор

* * *

День померк. Спустился сумрак черный,
Не встречаются на редких тропах люди.
Сыплется листва...
Средь пиков горных
Слышен только отзвук дальней бури.

Уэмон

* * *

У сливовых цветов все тот же аромат —
Как будто их коснулся твой рукав, —
Совсем как та весна...
У месяца б узнать:
Быть может, прежняя весна вернулась вновь?

* * *

Покрытый зимним инеем рукав
Стелю я в изголовье, грусти полный,
И в эту ночь, когда уснуть я не могу,
Ах, даже свет луны
Мне кажется холодным...

Неизвестный автор

* * *

Я от тебя давно не получаю вести
И тщетно вдаль смотрю.
Растет моя тоска...
А в небесах далеких еле-еле
Плывут и исчезают облака...

Фудзивара Иэтакэ

* * *

Опавший пурпур клена на земле,
Осенний вечер среди гор глубокий,
Дождь морозящий...
Вымокший под ним,
То не олень ли плачет одинокий?

Неизвестный автор

* * *

Ах, если б этот мир похож был на цветок
И каждую б весну рождалось вновь былое!
Напрасная мечта!..
Мир бренный — не такой:
Что раз прошло, уже не возвратится!

Сиракава-ин

* * *

Цветы апрельские раскрылись на заре
И пышной, белой изгородью встали.
На них взглянул —
И показалось мне:
Лучи луны сквозь облака струятся...

Нюдо-саки-но Дайдзёдайзин

* * *

Нет, то не снег цветы в садах роняют,
Когда от ветра в лепестках земля, —
То седина!
Не лепестки слетают,
С земли уходят не цветы, а я...

Минамото Санэаки

* * *

Луна едва лишь светит на рассвете,
В сиянье слабом опадает клен.
Пурпурная листва!..
Срывает листья эти
Злой ветер, прилетевший с гор.

Минамото Санэтомо

* * *

Ах, если бы не знал о смерти мир
И не был век людской безжалостно недолог,
О, если б вечно жить!
Так хорошо смотреть,
Как тянут рыбаки канаты дальних лодок!

* * *

Я не о том грущу, что ты меня забыл,
Об участи своей не беспокоюсь.
Но жизнью мы клялись,
Богам клялись с тобой,
И о твоей судьбе — моя тревога!..

Неизвестный автор

* * *

На родине я вновь, но опустел твой кров;
Ты навсегда ушла,
Пока прийти собрался.
Но аромат любимых рукавов
Еще хранят цветы расцветших померанцев.

Неизвестный автор

* * *

Тоска о многом на душе при лунном свете,
Когда на мир глядит усталый взор:
Я снова одиноч —
Со мной один лишь ветер,
Лишь ветер в соснах среди пиков гор!

Абэ Киёсаки

* * *

Хотел его сберечь,
Но жемчуг белый
Не удержался на атласном рукаве.
Он светлыми слезами оказался,
Что падали из глаз, не встретивших тебя.

Фудзивара Ёсикэ

* * *

В селенье, среди гор, дорог как не бывало,
Знакомых тропок будто вовсе нет, —
Не видно ничего...
С листвою кленов алой
Упал на землю ярко-белый снег.

Неизвестный автор

* * *

Как странник, я одет, готов к пути,
А путь в волнах безбрежных исчезает...
Когда вернусь?
Не знаю ничего, —
Как белые те облака не знают...

Неизвестный автор

* * *

На миг один, пока зарницы блеск.
Успел бы озарить колосья в поле
В осенний день, —
На самый краткий миг
Я позабыть тебя не волен!

Фудзивара Ёсинори

* * *

Как тот олень, что молчаливо бродит
В равнинах летом по густой траве,
Так я теперь...
Моих не слышно стонов,
И только слез роса на рукаве!

Неизвестный автор

* * *

Ты для меня так недоступна стала,
Лишь издали люблюсь я тобой...
Ты далека,
Как в Кацураги, на Такама,
Средь горных пиков в небе облака!

Неизвестный автор

* * *

Ах, память осени, прошедшей перед нами,
На ветках кленов алая листва, —
Исчезнет завтра же...
С осенними дождями
Те листья алые на землю упадут.

Неизвестный автор

* * *

Кто это о возлюбленном рыдает?
Чей раздается стон
Во тьме ночной?
То в глубине ущелий Каминаби
Кукушка бедная рыдает среди гор.

Фудзивара Митинага

* * *

Хоть знаю: день пройдет, настанет снова ночь,
И снова тьма дневной заменит свет,
И буду вновь с тобой, —
Но чувств не превозмочь.
О, ненавистный утренний рассвет!

Фудзивара Госитада

* * *

Как видно, проходя, кого-то здесь искали
И в выпавшей росе промокли все насквозь,
В полях осенних травы раздвигая...
Иль, может, то следы
В пути пролитых слез?

* * *

Все ночи напролет,
Не умолкая,
Олень рыдает и зовет жену.
И с молодой листвы расцветших хаги
На землю слезы падают росой...

Кока-монъин Бэтто

* * *

Из-за одной лишь ночи мимолетной,
Короче срезанного стебля тростника
В заливе Нанива,
Ужель теперь я буду
Всю жизнь тоской томиться по тебе?!

Фудзивара Тосиюки

* * *

Хотя бы в час ночной, когда волна
О берег плещется в заливе Суминоэ,
Приди ко мне во сне:
Ведь на тропинках сна
Никто следить не будет за тобою...

Тайкэн-монъин Хорикава

* * *

Надолго ль счастье? Сердцу неизвестно.
Смешались пряди черные волос
На изголовье...
С раннего рассвета
Смятением полна моя душа!

Тосинари

* * *

О, бренный мир! Как горестно все в нем!
Нет выхода. Не сбросить скорби бремя.
Весь полон я тоски...
И из ущелий гор
В ответ мне слышен горький плач оленя!

Энкэй-хоси

* * *

Покинутый приют — весь в зарослях плюща.
Тоскливо здесь. Хозяин все забросил.
Нет никого...
И только каждый год
Печальная сюда приходит осень...

Ёситада

* * *

О, вот она — зима,
Что светлую росу,
Сверкавшую повсюду жемчугами,
Обильно выпавшую нынче на траву,
На листья, — сразу в иней превратила!

Сюнкэй-хоси

* * *

Ночь напролет я в грусти был глубокой
И ждал с тоской, когда придет рассвет,
А он не приходил.
О, как была жестока
В опочивальне щель, откуда ждал я свет!

* * *

В далекий край плывешь ты нынче в море
И пересекаешь волны на пути,
А я остался здесь, но посмотри:
Здесь тоже волны — рукава мои
Покрыли волны белые печали...

Канкэ

* * *

Где горы Тамукэ — я не молюсь в дороге,
И жертвы приносить я не хочу.
Что жертва бедная,
Когда имеют боги
Из кленов алых драгоценную парчу?!

Минамото Мунэката

* * *

Слова, что ты мне говорила,
Меня безжалостно покинув навсегда,
Твои слова — как блеклая листва:
Она свой цвет зеленый изменила
Быстрее, чем осень к нам пришла!

Санэката

* * *

Едва проснулся и взглянул —
Рукав от слез насквозь был влажен,
И слез не счесть,
Как жемчуг белый,
Покрывший зелень вешних трав...

Фудзивара Хидэси

* * *

В ночь эту светлую с сияющей луной,
Как видно, на берег прилив нахлынул:
В заливе Нанива
Сквозь листья тростников
Бегут, сверкая белым светом, волны...

Неизвестный автор

* * *

Так холоден и чист
Прозрачный свет луны,
Сияющей в огромном синем небе,
Что гладь воды, где отражался лунный лик,
Покрылась сразу крепким льдом от стужи.

Неизвестный автор

* * *

О, падающий снег
Растает непременно,
Недаром нынче с распростертых гор
Шум от бегущих вниз потоков вешних
Становится все громче, все сильней!

Фудзивара Окикадзэ

* * *

Кого избрать в друзья на этом свете?
Быть может, верную сосну в Такасаго?
Но это ведь не друг
Моих времен далеких —
Таких друзей, увы, давно уж нет...

* * *

Надеяться на встречу — безнадежно,
С тобою не увидеться нам вновь!
Лишь в снах...
Но сны — недолговечней яшмы хрупкой,
А явь — намного призрачнее снов!

Неизвестный автор

* * *

Как видно, то весна,
Алея еле-еле в далеких небесах,
Сюда пришла:
Над склонами горы Кагуяма
Тумана протянулась дымка...

Неизвестный автор

* * *

Что человеческое сердце в этом мире?
Как «лунною травой» окрашенная ткань
Легко меняет цвет, —
В нем постоянства мало:
Сегодня — любит, завтра — нет!..

Такаиэ

* * *

Разлуки путь
Всегда исполнен горя,
И трудно побороть в себе тоску,
Но тяжелее расставаться вдвое
В вечерний час осеннею порой...

Дзюкурэн-хоси

* * *

Снежинками любясь, я подумал:
Быть может, нынче ты ко мне придешь?
В саду моем —
На ярко-белом снеге —
Еще никто не оставлял следов...

Юки наисинно-но Ки

* * *

Не убережь рукав у берегов Такаси,
Все знают, как капризна там волна.
И ты — как та волна...
Ах, я не верю в счастье:
Полюбишь — и в слезах лишь смочишь рукава!

Аривара Мотоката

* * *

Так, каждый раз, когда идет к концу
Наш старый год
И новый наступает,
Все больше снега выпадает,
И мне становится все больше лет...

Саки-но дайсодзё Дзиэн

* * *

Взгляну кругом: на пиках снега груды,
Лишь белизна пустынных гор везде, —
Одна тоска! —
О, ты, живя в столице
И зная это, — пожалей меня!

Фудзивара Таканобу

* * *

Ах, есть всегда печаль в любой разлуке,
Пусть неизвестен даже тот,
Кто в путь идет, —
Из бухты Мацура чужой корабль плывет,
Но грустно провожать его мне в путь далекий!..

Неизвестный автор

* * *

Смотрите, воды Тацута-реки,
Парчою затканые ярко-алой,
Прошиты нитями унылого дождя.
Десятый месяц все зовут не зря
Печальным месяцем, покинутым богами...

Минамото Акифуса

* * *

О, пусть годов твоих нам никогда не счастье,
И жизнь твоя пускай конца не знает,
Не знает туч!..
Как яркий солнца луч,
Что нам с небес безоблачных сверкает!

Фудзивара Санэсада

* * *

Любуюсь на цветы, идя к себе домой,
Дорога к дому вся в цветах душистых,
И я не тороплюсь, —
Ведь больше нет тебя,
Никто не ждет меня с тревогой и тоскою...

Неизвестный автор

* * *

Ах, только так на свете и бывает!
И полон я напрасною тоской
О той, которую мне больше не увидеть,
Как этот ветерок,
Что скрыт от наших глаз...

Кодай-готаяо Кэнсэйдзё

* * *

На скошенной соломе тростниковой
Забылся я в пути недолгим сном...

Как хорошо!

Луна над яшмовой рекою,

А небо — в свете утренней зари.

Фудзивара Акисукэ

* * *

В просвет среди бегущих в небе туч,
Гонимых вдаль порывом бурным ветра

Осеннею порой,

Пролился лунный луч, —

О, блеска лунного великолепье!

Неизвестный автор

* * *

Ах, именно в конце печальном года,
Когда все чаще выпадает снег,
Я понял, что не знает увяданья
И не меняется
Цвет сосен вековых.

Кинто

* * *

Вот, нынче б не пришли, — и листья алых кленов,
Сверкающих в селенье среди гор,
Нам не увидеть бы...
Ах, так и все мы — люди,
Как этот клен, не вечны на земле!

* * *

Пусть водопада шум навеки отзвучал,
О нем расскажут древние преданья:
Пусть много лет прошло,
Для мира мертвым стал,
А слава будет жить еще веками.

ПРИМЕЧАНИЯ

НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

(Из старинных собраний)

Стр. 40. *Изголовие из дерева цугэ...* — В старину вместо подушки употребляли деревянные подставки под голову, на которых лежали маленькие валики, обтянутые шелком или другой материей. Дерево цугэ — японский самшит (*Vuxus microrhylla*).

Стр. 41. «*Не забывай*» — народное название травы (*Polypodium lineare*); растет на кровле старых домов, на скалах.

Трава «забудь-любовь» — старинное название неизвестной травы. По народным поверьям, если носить эту траву с собой, позабудешь сердечное горе.

Стр. 42. *По дороге, что отмечена давно яшмовым копьём...* — Постоянный образ в древней поэзии, подсказанный мифами и легендами. В них говорится о том, как Ниниги, внук богини солнца Аматэрасу, спустился

с небес на землю, и там сопровождавший его небесный страж показывал ему путь яшмовым копьем.

Стр. 45. *Сверкает зеркало кристальной чистоты...* —

В синтоистских храмах в алтаре висит круглое металлическое зеркало — одна из трех священных реликвий (меч, зеркало, яшма), символ богини солнца Аматэрасу, главной богини синтоистского культа. В поэзии зеркало — символ красоты, душевной чистоты, особо почитаемой святыни.

Стр. 46. *...цветы струящиеся фудзи...* — Фудзи — япон-

ская глициния (*Wistaria floribonda*), цветет поздней весной или в начале лета сиреневыми и белыми цветами, спускающимися с ветвей длинными гирляндами, отчего их сравнивают часто со струями водопада, волнами.

Стр. 51. *Лунная трава цукигуса* (*Commelina communis*) —

имеет способность быстро менять свой цвет, отчего в песнях встречается как символ непостоянства и изменчивости.

Стр. 56. *...лавр зеленый, на луне растущий.* — По старинным японским представлениям, навеянным китайскими легендами, считалось, что на луне течет река и растет лавр.

Стр. 58: «*Эта ночь, что черна...*» — песня о разлуке на заре, образец одного из «общих мотивов», своеобразная японская альба.

Стр. 59. *Тидори* — японский кулик.

Стр. 65, *Ах, одежды белотканой рукава в изголовье положу-ка я себе!*.. — В песне приводится любовный заговор с целью охранить возлюбленного в плаванье и привлечь к себе на ложе. Старинное поверье утверждало: если положишь в изголовье рукава своей одежды, дождешься на ложе любимого.

Стр. 70. Песни об уходе в пограничные стражи — разновидность японского фольклора. В старину в Японии существовала повинность, по которой крестьяне на три года уходили из дома в пограничные стражи на остров Кюсю. Сохранились целые циклы песен, сложенных ими и их близкими, напоминающие рекрутские причитания в русском фольклоре.

Стр. 74. *Тэкона* — легендарная красавица, бросившаяся в море, не будучи в состоянии сделать выбор между двумя любившими ее юношами.

ПОЭЗИЯ ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ

(VII—VIII вв.)

В настоящих примечаниях даются сведения лишь о наиболее выдающихся поэтах, так как большинство имен в известных классических антологиях обычно сви-

детельствуют не столько о достижениях индивидуального творчества в современном понимании, сколько о достижениях поэзии тех времен в целом. Этим объясняется и принцип составления японских антологий, в которых не выделяется творчество отдельных поэтов и произведения располагаются без строгой хронологической последовательности, поскольку имена и даты являются нередко предметом дискуссий. В связи с этим и в настоящем издании, где соблюден хронологический принцип построения книги в целом, внутри данного и следующего за ним разделов имеются незначительные хронологические отклонения в расположении материала.

Стр. 77. Какиномото Хитомаро (конец VII—начало VIII в.) — один из крупнейших поэтов Японии. Биографические сведения о нем полулегендарны. Известно, что он занимал скромную должность при дворе, умер же вдалеке от столицы, в провинции Ивами, где провел последние годы жизни.

Хитомаро прославлен как мастер элегий, од и ряда «коротких песен» (танка). Знамениты его плачи о смерти возлюбленной, о трагической гибели придворной красавицы и другие.

Стр. 78. ...с сеткой яшимовой... гонец. — в старину к гибкой ветке дерева адзуса привязывали яшму и

посылали с гонцом в знак приветия или с особым известием.

Стр. 83. *Ёсино* — живописная местность в провинции Ямато; славилась красотой рек и гор, а также обилием цветущих весной вишен. Ныне префектура Нара.

Стр. 85. *Травы гомо* — разновидность речных водорослей.

Стр. 87. *Яшмовых одежд...* — то есть красивых одежд; распространенный эпитет в японской поэзии VIII в.

Стр. 88. *Ямабэ Акахито* (первая половина VIII в.) — знаменитый поэт Японии. Биографические сведения о нем почти не сохранились. Известно лишь, что он был незначительным придворным чиновником и много путешествовал по стране. Большинство песен Акахито были сочинены им во время путешествий. Акахито славится лучшим певцом родной природы и известен как непревзойденный мастер танка. Особенно знаменито его стихотворение, посвященное любимой японским народом горе Фудзи.

Стр. 89. *Куману* — название местности на острове Кюсю, где занимались кораблестроением.

Ямато — здесь название главной провинции в Японии, где находилась столица Нара. См. также прим. к стр. 83.

Стр. 95. *Мисаго* — птицы из породы орлов.

Зеленые травы «скажи-свое-имя» — народное название трав, которые, по-видимому, употреблялись при заговорах. В старину была широко распространена вера в магию слов, о чем свидетельствуют многие названия японских трав, раковин, гор и т. п. Назвать мужчине свое имя было в старину для девушки равносильно согласию на брак. Существовало поверье, что произнесение имени может навлечь несчастье на его обладателя. Поэтому, открывая кому-либо свое имя, девушка как бы вверяла ему свою судьбу.

Асука воды... — Речь идет о реке Асука в уезде Такэти провинции Ямато,

Стр. 96. Я м а н о э Окура (659—733),— выдающийся поэт Японии, был чиновником при дворе, жил некоторое время в Китае. Окура знал китайский язык, китайскую литературу и философию, писал стихи на китайском языке, в его творчестве заметно влияние китайской поэзии. Большинство своих произведений поэт создал в пору пребывания на острове Кюсю, в южной части Японии. Только под конец жизни Окура вернулся в столицу Нара, где и умер.

В песнях Окура впервые в японской поэзии нашли отражение социальные мотивы. Из его произведений наиболее знаменита поэма «Диалог бедняков», из ко-

торой приводится сопутствующее ей пятистишие: «Грустна моя дорога на земле».

Итак, друзья, скорей в страну Ямато. — Стихотворение написано в Китае.

Так дай же плавать мне в вине. — В старину на пирах был обычай опускать лепестки цветов в чарку с вином. Стр. 97. *Когда бы в облаках я мог парить...* — Стихотворение сложено на острове Кюсю по случаю проводов друга Окура — поэта Отомо Табито.

Стр. 102. *Отомо Табито (665—731)* — принадлежал к знатному роду, занимал высокие должности при дворе, но подвергся опале и три года жил в ссылке на острове Кюсю. Только под конец жизни ему было разрешено вернуться в столицу.

Из его поэтических произведений наибольшей известностью пользуется цикл песен, посвященных вину; в них поэт высмеивает буддийских и конфуцианских книжников. Многие из его песен навеяны тоской по родным местам и печалью об умершей жене. Табито считается одним из известных «Пяти поэтов» VIII в. (Хитомаро, Акахито, Окура, Табито, Якамоти).

Нара — столица древней Японии (в провинции Ямато). Песни сочинены в провинции Цукуси, на острове Кюсю, в тоске по Ямато.

Стр. 104. *Вот и время пришло...* — Эта и следующие три песни посвящены памяти умершей жены поэта.

Стр. 107. «*Лишь бы на земле...*» — Поэт высмеивает в песне буддийское учение о переселении душ.

Стр. 109. *Отото Якамоти (718—785)* — один из самых известных поэтов VIII в. Сын поэта *Отото Табито*. Занимал высокие должности при дворе, не раз впадал в немилость и подолгу жил в разных провинциях: был заподозрен в заговоре против правящего дома и выслан из столицы. Весь род *Отото* подвергся опале; события ускорили смерть поэта. *Якамоти* считался лучшим певцом любви.

Стр. 117. *Татибана* — японские померанцы, постоянный образ песен лета.

Стр. 119. *Сорочий мост* — образ, связанный с популярной легендой, пришедшей в Японию из Китая, о любви двух звезд *Волопаса* и *Ткачихи* (*Алтаир* и *Вега*), разлученных *Небесной рекой* — *Млечным Путем*. Они могли встречаться друг с другом только раз в году — в седьмой день седьмого месяца. Согласно одному на вариантов предания, влюбленным помогли встретиться сороки, которые сцепились друг с другом и построили мост через *Небесную реку*.

Стр. 122. *Нукада* (вторая половина VII в.) —

считается лучшей поэтессой своего времени. Сведений о ней сохранилось мало. Известно лишь, что она была предметом раздора двух братьев из императорского рода. Вначале она была фавориткой младшего брата — принца О-ама, затем стала женой его старшего брата — императора Тэндзи и уехала к нему в новую столицу, в Оцу... Однако после смерти императора она вернулась в провинцию Ямато, где и провела остаток жизни. Первая помещенная здесь песня сложена по случаю отъезда в Оцу и обращена к горам провинции Ямато, где родилась поэтесса; вторая песня посвящена императору Тэндзи после его смерти.

Стр. 123. *Отото Саканоэ* (середина VIII в.) — известная поэтесса, младшая сестра поэта Отото Табито. Основное содержание ее поэзии — любовная лирика.

Стр. 126. *Каса* (вторая половина VIII в.) — талантливая поэтесса, возлюбленная поэта Отото Якамоти, которому посвящены все ее дошедшие до нас стихотворения.

Страж островов морских. — В этом и некоторых других стихотворениях речь идет о пограничных стражах.

Стр. 128. *Во сне я ныне увидала, что положила рядом с ложе бранный меч.* — Меч считался неотъемлемой принадлежностью мужчины, рыцаря, так же, как зерка-

ло — принадлежностью красавицы. Увидеть во сне меч было приметой, означавшей встречу с возлюбленным; приснившееся зеркало истолковывалось как примета, сулившая встречу с любимой.

Стр. 130 *Микаса* — священные роци в провинции Тикудзэн (ныне префектура Фукуока) на острове Кюсю.

Ону — название местности вблизи роц Микаса.

Стр. 134. *Сану Тиками* (*Сану Отогами*) — жрица священного храма Исэ. Печальная повесть о ее любви к рыцарю знатного рода Накатоми Якамори (см. стр. 137) сохранилась в виде любовной переписки в стихах. Сделав своей женой Сану Тиками, Якамори нарушил общественные законы того времени, за что был разлучен со своей возлюбленной и сослан в далекую провинцию Этидзэн. Даже во время великой амнистии 740 г. он не был прощен и только много позже, в 763 г., смог вернуться в столицу.

В книге приведено несколько любовных посланий разлученных супругов друг к другу; эти стихотворения стали классическим образцом поэзии о безграничной любви и верности.

Стр. 139. *Новояшмовых годов* — постоянный, окаменевший эпитет к «годам». Первоначальное значение — год нового урожая.

Стр. 141. «Старинные послания» и «Песни странствий» (см. стр. 143) были сложены чиновниками-посланцами в Сираги (древнее княжество Кореи — Силла) и их близкими. Относятся к 736—737 гг.

Стр. 142. *И встанет пред тобой густой туман...* — По старинному народному поверью, вздохи тоскующей возлюбленной превращаются в туман, который встает на пути любимого человека, как знак того, что о нем тоскуют.

Стр. 145. *Без этих раковин «забудь-любовь».* — В песне автор обращается к народному поверью: если найдешь раковины «забудь-любовь», — забудешь о несчастной любви. Любуясь необычайной красотой этих раковин, люди якобы забывали о своих печалях.

Стр. 146. ...«ракушки забвенья». — См. прим. к стр. 145.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ

(IX—XIII вв.)

В разделе приведены пятистишия из известных классических антологий «Кокинсю» (X в.) и «Синкокинсю» (XIII в.).

Стр. 152. А р и в а р а Н а р и х и р а (825—880) — один из прославленных шести поэтов IX в., известных под наиме-

нованием «роккасэн» — «шести бессмертных». Ему приписывается известная анонимная лирическая повесть X в. «Исэ-моногатари» (см. Н. И. Конрад, Исэ-моногатари, Петроград, 1922).

Стр. 157. Оно Комати (834—900) — знаменитая поэтесса, вошла в число «шести бессмертных» поэтов. О ее блестящем таланте, о необычайной судьбе поэтессы-красавицы и ее грустной кончине сложено много легенд; ей посвящен ряд литературных произведений, она выступает героиней в классической драме театра Но.

...голубой туман, что от огня над пеплом встанет в поле. — Речь идет о погребальном обряде сожжения.

Стр. 161. Содзё Хэндзё (816—890) — монашеское имя поэта Ёсиминэ Мунэсада, под которым он и вошел в число прославленных «шести бессмертных». Однако его произведений сохранилось очень мало.

Стр. 162. Бунъя Ясухидэ (IX в.) — известен также под именем Фумия Ясухидэ. Один из «шести бессмертных» поэтов. До нашего времени сохранилось незначительное количество его произведений.

Стр. 163. Цураюки (X в.; полное имя — Ки-но Цураюки) — известный поэт, критик, автор первого трактата о поэтическом искусстве (см. «Предисловие к «Кокинсю»»). — Н. И. Конрад, Японская литература в образ-

цах и очерках, Л. 1927, стр. 100), составитель классической антологии X в. «Кокинсю». Вошел в «список тридцати шести бессмертных поэтов» средневековья («сандзюроккасэн»).

...голос плачущей кукушки услышал. — Кукушка — один из постоянных образов лета. Кукование ее вызывало такое же восхищение, как пение соловья.

Стр. 165. *Забвенья раковины...* — См. прим. к стр. 145.

Стр. 174. *Не звезда ли сегодня со звездой расстается?* — См. прим. к стр. 119.

«Когда приходит вешняя пора...» — Пятистишие представляет собой образец поздравительных застольных песен — песен-пожеланий долголетия счастливой жизни.

Стр. 175. *Отикоти Мицунэ* (X в.) — известный поэт, вошел в «список тридцати шести бессмертных поэтов» средневековья.

Стр. 177. *Хаги* (*Lespedeza bicolor*) — цветы хаги фиолетового и розоватого цвета; как и алые листья клена, они являются традиционным символом осени.

Стр. 180. *Идзумн Сикибу* (XI в.) — одна из пяти прославленных поэтесс, известных под общим наименованием «пяти бессмертных поэтесс грушевого павильона» («насицубо-но гокасэн»). В истории японской ли-

тературы известен ее лирический дневник «Идзуми Си-кибу никки». Вошла в позднейший «список тридцати шести бессмертных поэтов» средневековья.

Стр. 181. *...звезда ждет целый год звезду...* — См. прим. к стр. 119.

Стр. 182. Мурасаки Сикибу (конец X — начало XI в.) — писательница и поэтесса, одна из «пяти бессмертных поэтесс грушевого павильона», автор романа «Гэндзи-моногатари» — великого памятника классической японской литературы. Известен также дневник писательницы «Мурасаки сикибу никки». Вошла в позднейший «список тридцати шести бессмертных поэтов» средневековья (см. Н. И. Конрад, Японская литература в образцах и очерках, Л. 1927, стр. 195—251; сб. «Восток», М. 1935, стр. 163—178).

Стр. 184. Ки Томонори (X в.) — известный поэт, принимал участие в составлении антологии «Кокинсю», вошел в «список тридцати шести бессмертных поэтов» средневековья.

Стр. 190. Исэ (IX в.) — поэтесса, вошедшая в «список тридцати шести бессмертных поэтов» средневековья. *Близ водопада...* — Сверкающая белая пена водопада сравнивается здесь с белизной полотна.

Стр. 196. Содзэй-хоси (IX в.) — монашеское имя

поэта Ёсиминэ Харутоси — сына Содзё Хэндзё (см. выше). Вошел в «список тридцати шести бессмертных поэтов» средневековья.

«Существовали ль в древние года...» — застольная поздравительная песня. См. прим. к стр. 174. Стр. 205. Аривара Юкихира (818—893) — поэт, брат Аривара Нарихира (см. выше); стихотворение сложено им в бухте Суманоура (провинция Сэтцу), где поэт жил в ссылке.

Стр. 207. Фудзивара Садаё (Фудзивара Тэйка, 1162—1241) — выдающийся деятель литературы, поэт и критик; известный составитель антологий: «Синкокинсю», «Хякунин-иссю», «Синтёкусэнсю».

Стр. 208. *Ты мне мала...* — В песне использована старинная любовная клятва: «Так же, как никогда не перейдет волна через горы, покрытые соснами, — я никогда не разлюблю тебя».

Стр. 212. *...трава «влюбленных ложе»* — старинное народное название плюща.

Гора свиданий — старинное народное название горы на острове Хонсю.

Стр. 214. *Сайгё-хоси* (1118—1190) — монашеское имя выдающегося поэта-лирика Сато Норикиё, творческое наследие которого составило два тома стихов. Необы-

чайная судьба этого странствующего поэта нашла широкое отражение в ряде более поздних произведений японской литературы. С его именем связано множество рассказов, легенд, анекдотов.

Стр. 217. *Кричат печально, улетая, гуси...* — Дикие гуси — традиционный образ осени. Гусей считают гонцами, приносящими вести из дома, от любимого человека, друга. Последний образ навеян древним китайским преданием: гусь спас пленника, принеся от него письмо императору.

Стр. 237. *Тосинари* (Фудзивара Тосинари, XII в.) — выдающийся деятель литературы, поэт и критик, составитель антологии «Сэндайсю».

Стр. 238. *Ёситада* (Сонэ Ёситада) — известный поэт и критик, один из «тридцати шести бессмертных поэтов» средневековья.

Стр. 239. *Покрыли волны белые печали...* — Поэт говорит об обильных слезах, которые увлажнили его рукава, сравнивая их с белыми волнами; слезы всегда сравниваются с росой, белой яшмой, жемчугом, то есть всегда ассоциируются с белым цветом. В данном случае речь идет о белых, пенистых волнах, о бурном выражении горя.

Стр. 240. *Тамукэ* — горы в провинции Ямато, вблизи столицы Нара. По древнему обычаю, путники из сто-

лицы приносили здесь жертву богам дороги; при обряде использовались так называемые «нуса» — белая, вырезанная ступенчатыми полосками бумага, прикрепленная к деревянным палочкам (символические колосья риса). *Из кленов алых драгоценную парчу.* — Осенние клены в горах Японии представляют собой зрелище редкой красоты. В классической поэзии их алые листья сравниваются с парчой. Кленовая парча — один из постоянных образов в осенних песнях.

Стр. 243. *Такасаго* — название местности в провинции Харима. Славилась двумя древними соснами, олицетворявшими семейную пару. Упоминание о соснах в Такасаго обрело смысл иносказания, когда речь шла о верности чувств.

Стр. 244. *Кагуяма* — одна из трех знаменитых гор в провинции Ямато (Кагуяма, Миминаси, Унэби). Называется часто Горой небес, или Небесной горой; в основу этого названия легла легенда о том, что гора спустилась на землю с неба.

Стр. 246. *Такаси* — название местности в провинции Идзуми (ныне префектура Осака). В песне — иносказание: «не уберечь рукав у берегов Такаси» имеет смысл «не уберечь себя от слез» (влажный рукав — традиционный символ пролитых слез), «капризна... волна — изменчив

любимый»; «полюбишь — ...смочишь рукава» (милый быстро изменит — станешь несчастной).

Стр. 248. «О, пусть годов твоих...» — Поздравительная песня. См, прим. к стр. 174.

Стр. 252. Пусть водопада шум навеки отзвучал. — Речь идет о знаменитом водопаде возле храма Дайкакудзи в местности Сага провинции Ямасиро (ныне префектура Киото). По преданию, правитель Японии в IX в. — Сага, известный поэт и каллиграф, постриженный в монахи, жил здесь и любовался этим водопадом.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Глушкина. Японские пятистишия . . .</i>	5
НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ (из старинных собраний)	35
ПОЭЗИЯ ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ (VII—VIII вв.) .	77
СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ (IX—XIII вв.) . .	151
Примечания	253

ЯПОНСКИЕ ПЯТИСТИШИЯ

Редактор

Г. Ярославцев

Художественный редактор

Ю. Боярский

Технический редактор

О. Ярославцева

Корректоры Р. Андрианова

и Г. Сурис

Сдано в набор 22/IX 1970 г.

Подписано к печати 10/XII 1970 г.

Бумага типографская № 1

Формат 84X108³/₆₄=4,25 печ. л.

7,14 усл. печ. л. 4,73 уч.-изд. л.

Тираж 25 000 экз. Заказ 270

Цена 28 коп.

Издательство

«Художественная литература»

Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Типография № 5

Главполиграфпрома Комитета по печати

при Совете Министров СССР.

Москва, Мало-Московская, 21